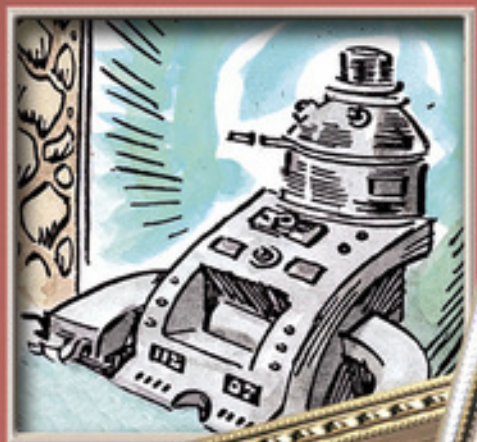
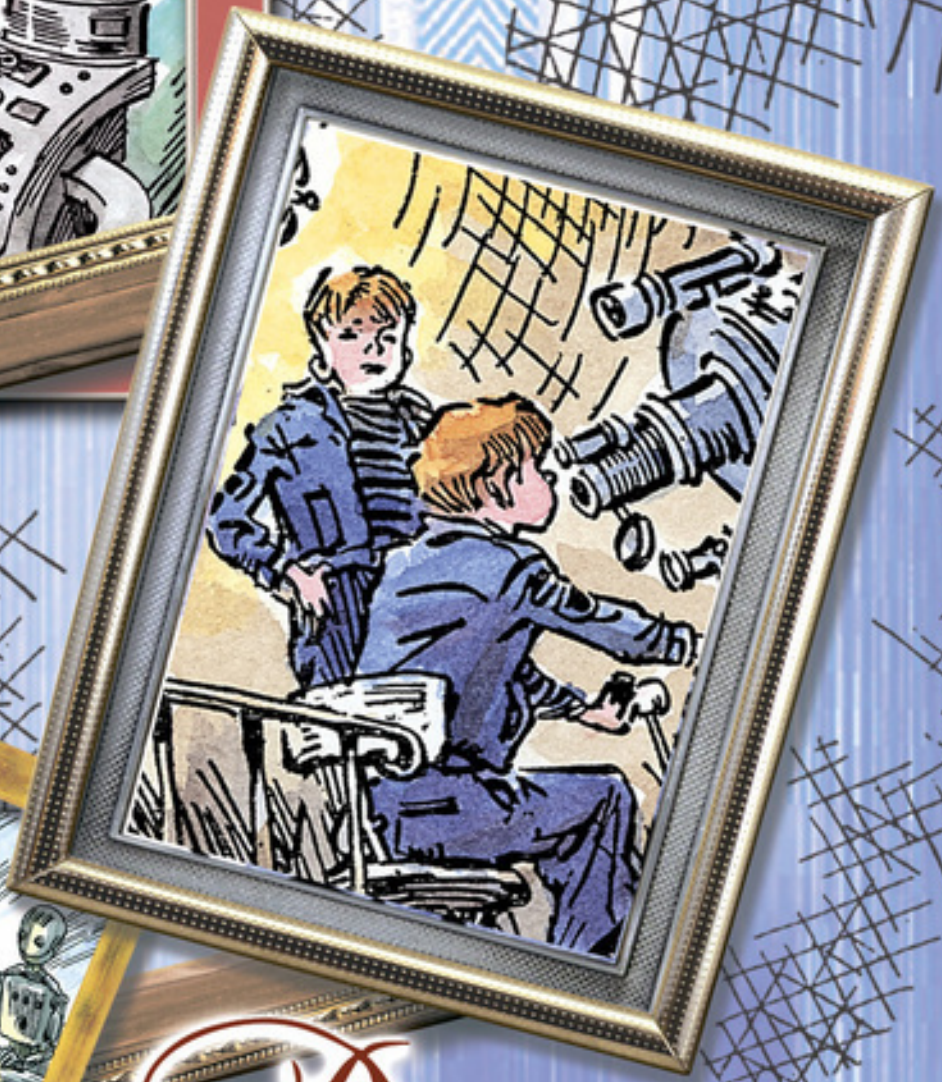
Е. Велтистов





Всё про Электроника

Электроник – мальчик из чемодана
Рэсси – неуловимый друг
Победитель невозможного
Новые приключения Электроника

Евгений Велтистов

Все про Электроника (сборник)

«Издательство АСТ»
2010

Велтистов Е. С.

Все про Электроника (сборник) / Е. С. Велтистов — «Издательство АСТ», 2010

ISBN 978-5-17-068090-0

В этот том Евгения Серафимовича Велтистова (1934–1989) вошли четыре захватывающие повести: «Электроник – мальчик из чемодана», «Рэсси – неуловимый друг», «Победитель невозможного» и «Новые приключения Электроника».Открывается том интереснейшим предисловием В. А. Приходько о творчестве писателя.

ISBN 978-5-17-068090-0

© Велтистов Е. С., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

«Здравствуй! Меня зовут Электроник…» 6
Электроник – мальчик из чемодана 10
Чемодан с четырьмя ручками 10
Белый халат или формулы? 12
Кто он, чемпион? 18
Фокусник всех времен 24
Всё об Электронике 27
Как родился Электроник 31
Как учился Электроник 36
Рентген ничего не показал 39
Тайна: «Ты – это я» 41
«Программист-оптимист» 44
«Стул невесты» 47
Три хранителя теоремы 50
Первые поражения Электроника 54
Код Бегемота 59
Разговор с Гусем и Змееносцем 63
Хорошо, что собаки не говорят 69
Гнет тайны: 70
Что значит – думать? 75
Поединок с «репетитором» 78
Музыкальное образование 81
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Евгений Велтистов
Все про Электроника (сборник)

© Е. С. Велтистов, наследники. 2010
© В. А. Приходько. Предисловие, 2010
© ООО «Издательство Астрель», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Здравствуй! Меня зовут Электроник…»

Эту книгу можно было бы издать без предисловия.

Зачем же предисловие? Да еще написанное человеком, который в детстве сам без предисловий приступал к приключениям любимых героев.

Дело в том, что про Электроника знает нынче великое множество детей. Не ленивых и любопытных. А вдруг самые любопытные захотят узнать про автора любимых книг?

Для них-то и написано предисловие.

Итак, автор. Евгений Велтистов.

Шла война. Великая война. Во второй год великой войны он пришел в 265-ю московскую школу учиться. Книг было мало. Тетрадей еще меньше. Читать хотелось очень сильно. Когда спросили, кем ты станешь, ответил: «Продавцом детских книжек. Чтобы прочитать все».

Потом он передумал. Решил стать журналистом. Это было твердое решение. Окончил факультет журналистики. Стал работать – сперва в газетах, потом – редактором отдела в популярном журнале «Огонек». Ведал фельетонами и всякой всячиной, что печаталась на последних страницах. Был очень худой. И поэтому казался еще длинней. В многоэтажном доме редакция занимала три этажа. И когда в праздничные дни вывешивали веселую стенгазету, Велтистова изображали примерно так: голова на третьем этаже, туловище – на втором, а бегущие ноги – на первом.

Он был настоящим репортером: неутомимо выхаживал новости. Находил интересных людей. Он нашел, например, в одном арбатском переулке сочинительницу знаменитой песенки «В лесу родилась елочка», старушку Раису Кудашеву. И сумел ей помочь, так как требовалась помощь. Он также помог детскому саду поселиться на роскошной даче, до этого принадлежавшей жулику. А известному писателю-фантасту Станиславу Лему – увидеть атомный реактор в Дубне.

Встречался со знаменитым радиоэлектроником и кибернетиком Акселем Ивановичем Бергом, чтобы потом «списать» с него своего профессора Громова, чудаковатого и при внешней суровости доброго человека. Познакомился с главным конструктором космических ракет Сергеем Павловичем Королевым, которого сегодня мы считаем национальным героем. Бывал в гостях у виднейших ученых: физика Петра Леонидовича Капицы и кибернетика Виктора Михайловича Глушкова. Взял интервью (в ту пору диковина!) у шефа уголовной полиции города Нью-Йорка. (Отзвуки заокеанской командировки находим в романе «Ноктюрн пустоты», также полуреальном-полуфантастическом.)

Велтистов был человек немногословный. Настырный. Копил впечатления. Обдумывал будущие книги. Рукопись первой повести «Приключения на дне моря» принес в издательство «Детская литература». Вскоре она увидела свет (1960). За ней вышли другие произведения. Их было немало: «Тяпа, Борька и ракета» (1962), «Электроник – мальчик из чемодана» (1964), «Глоток солнца» (1967), «Железный Рыцарь на Луне» (1969), «Гум-Гам» (1970), «Рэсси – неуловимый друг» (1971), «Излучать свет» (1973), «Победитель невозможного» (1975), «Богатыри» (1976), «Миллион и один день каникул» (1979), «Ноктюрн пустоты» (1982), «Прасковья» (1983), «Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников» (1985), «Планета детей» (1985), «Избранное» в двух томах (1986), «Новые приключения Электроника» (1988).

Книги «Тяпа, Борька и ракета» и «Излучать свет» были написаны Велтистовым в соавторстве с женой и другом Мартой Петровной Барановой.

…Я помню, в какой атмосфере родился «Электроник – мальчик из чемодана» (первая и, на мой вкус, лучшая часть тетралогии). В конце 50-х – начале 60-х годов школьники начали

учиться по насыщенным программам. Триумфальный полет Юрия Гагарина проложил путь в космос – казалось, мы всегда будем первыми. Слово «кибернетика», восходящее к старинному греческому «управляю кораблем», порхало над кухонными столами московских коммуналок. На страницах газет спорили о судьбе поэзии в технический век. Поэт Борис Слуцкий написал, что физики в почете, а лирики, наоборот, в загоне и что это мировая закономерность. Рьяные сторонники точных наук, так называемые технари, сводили роль искусства в будущем к жалкому минимуму. Интерес к научной фантастике распространился необычайно широко. Лем стал любимцем технарей. Золотые весла литературных фантазий уводили читателя в такие дебри мироздания, какие действительно не снились предыдущим поколениям. Еще не было горького, поныне не растворившегося осадка от Чернобыльской катастрофы. Еще не знали, что плетемся в хвосте компьютерной революции. И что не мы, а американцы вскоре высадятся на Луне. Пели с энтузиазмом: «На пыльных тропинках далеких планет…» Электронная эра переживала свой романтический период. Свою радужную юность.

Тут-то и был написан «Электроник – мальчик из чемодана».

Кстати, почему «из чемодана»?

Этот образ возник так. Однажды автор собрался в отпуск к теплому морю. Несет чемодан по перрону к поезду и удивляется: тяжелый. Словно там не рубашки и ласты, а камни. Чтобы веселей было нести, стал фантазировать: «Может, в чемодане кто-то есть? Может, там… электронный мальчик? Вот поставлю чемодан на полку, откину крышку. Мальчик откроет глаза, встанет и скажет: «Здравствуй! Меня зовут Электроник…» Вошел в купе, щелкнул замками и ахнул. Оказывается, в спешке перепутал чемоданы: взял другой, набитый книгами. Пришлось у моря обойтись без ластов. Зато начитался вволю.

А про воображаемого мальчика не забыл.

Сказка подчиняется общим законам искусства. Один из них формулируется примерно так: на яблоне могут расти серебряные яблоки, но никаких яблок не вырастишь на вербе. Вроде бы неопровержимо. Однако искусство для того и существует, чтобы опровергать собственные законы. Бывает, что изображенное писателем вполне достоверно, похоже на реальную жизнь, а выглядит жалко, бескрыло и едва подсвечено убогой мыслью, какой-нибудь банальностью. Читать не хочется. Чувствуя фальшь, читатель говорит, как режиссер бездарному актеру: «Не верю!» Это приговор.

В книге Велтистова странные, невероятные ситуации, в том числе пресловутые «яблоки на вербе», сменяют друг друга. И написаны повести про Электроника выразительно, ярко. Сюжет-шутку движет необычайное сходство мальчика-робота и ученика 7 класса «Б» Сережки Сыроежкина. С самого начала приняв озорную условность, праздничную фантастичность сюжета, вживаешься в него и уже всему веришь: и лукавому профессору Громову, который предпочитает обычное такси вертолетам, и неслыханной Стране двух измерений, где все плоское: люди, дома, мячи, деревья… И другим чудесам. Все это словно выдумано не писателем, а читателями – теми, кому адресовано. Теми, кто не может учиться, не озорничая.

Велтистов-фантаст обладал настоящим умением говорить о сложном просто. Способен был увидеть привычное (даже наскучившее) с новой стороны. Его перо одевало в плоть бесплотное. Превращало абстрактное в конкретное. Он, безусловно, «физик», а не «лирик». Симпатии его на стороне точных наук. Но пренебрежения к «лирике» не разделял. Герои «Электроника» не страдают бездуховностью. Математик Таратар, рассказывая ученикам о процессе творческого открытия, привел в качестве примера… стихи Пушкина. Поправил очки и прочел тихо, почти шепотом: «Я помню чудное мгновенье…» И в класс словно ворвался легкий ветерок, затуманил глаза.

Интересно, а этот математик выдуманный?

Оказывается, не совсем.

Работая над «Электроником», Велтистов не раз заглядывал в школу с математическим уклоном. Познакомился с заслуженным учителем. Звали его Исаак Яковлевич Танатар. На уроках он не обходился без шутки, ходил с ребятами в походы, выпускал с ними стенгазету «Программист-оптимист» с ребусами на «танатарском» языке формул. Дети, конечно же, называли его «Таратар». Так звучит фамилия и в повести.

Велтистов рассказывал мне, что во время обсуждения рукописи «Электроника» в издательстве он попросил дать ее на отзыв Танатару. И получил от него сдержанное одобрение: будущая книга «должна представлять интерес для читателя». Был этим сдержанным одобрением весьма доволен.

Что технический прогресс – двуликий Янус, стало известно задолго до того, как Велтистов сел писать свои повести. С одной стороны – сверхудобства, с другой – сверхбомба. Тема взбунтовавшейся машины волновала фантастов разных стран и народов. Есть книги, начиная с Уэллса, фильмы, картины, где она решена трагически: машина уничтожает своего создателя.

Велтистов был оптимистом. Он заставлял верить в победу разума, человечности. Потому что жить тяжелей, если не веришь. Даже робот Рэсси – электронный пес, «дитя» уже Электроника, способен у него спасти живых животных от безжалостных опытов владельца фантастического зоопарка господина фон Круга, которого раздражают шум, непоседливость детей.

На выборе этого зловещего персонажа – отпечаток времени. Не забудем, что в детстве Велтистова бушевала чудовищная война с немецким фашизмом. Гитлеризм олицетворял все мировое зло. В повести «Глоток Солнца», написанной после «Электроника», действие происходит в 2066 году. Аппарат-визуализатор создает оптические иллюзии, вытесняя «одряхлевшее кино» и «надоевшее телевидение». По воле изобретателя Иосифа Менге появляется видение прошлого: «человек в черном» стреляет из автомата в беззащитного старика. Чувство социального страха неизвестно новому поколению, однако осталось в глубине наследственной памяти. Бедствие, паника. Да было ли такое в действительности? Менге отвечает: «Было… Не со мной. С дедом. Его убили фашисты в тысяча девятьсот сорок первом году. Он жил в Варшаве… Я не могу забыть…» Поэтому и появился в повести фон Круг…

За Электроником, за Рэсси, наконец за Электроничкой с несмеющимися глазами, также придуманной профессором Громовым, стоят люди, которые ценят свободу, любят поэзию, не потеряли живую душу. «Фантастика, – говорил Велтистов, – это выдумка, взгляд в будущее – какой простор для писательского воображения!»

Никакое воображение не застраховано от ошибок. Я знал писательницу, сочинившую фантастический роман про строительство гигантской и безумно дорогой плотины с целью поднять уровень Каспия. Это было в год, когда море действительно мелело. А когда повесть, пролежав пару лет в издательстве, вышла, она уже устарела: цикличный Каспий поднялся и заливал низкие берега. Бывает… Мы прощаем фантастам их торопливость…

У поэта Леонида Мартынова сказано так:

О, если бы писали мы
О том лишь, что доподлинно известно, —
Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!

Между прочим, Велтистов любил чуткого к техническим новшествам Мартынова. Электроничка, запрокинув голову вверх, слушает его странные стихи:

Вот ведь
Какова ты,
Нечто среднее

Между атомом и звездой.

По ее электронному телу пробегает слабый ток: «Она оглянулась и увидела первый солнечный луч, пробивший толщу леса… Захотелось пройти босиком по траве или взлететь, как Рэсси, на границу ночи и утра. «Что я натворила? – подумала в великом смущении Элечка, не понимая, что с ней происходит. – И зачем мы только клялись ни в кого не влюбляться? Я не знала, что это значит…» А вслух она произнесла: «Кто же я такая?» Она, как у поэта, «нечто среднее между атомом и звездой».

Электроника сразу полюбили дети 60—70-х, а потом и 80-х годов. Возникли клубы «Электроник», объединившие энтузиастов. Ребята стали рисовать и конструировать собственных роботов.

А когда телевидение показало фильм, поставленный режиссером Константином Леонидовичем Бромбергом, в библиотеках выстроились длинные очереди за «Электроником». Книгу выдавали на два дня. Успех превзошел ожидания.

В заключительной, написанной после этих событий, части на школьном дворе все играют в робота и человека. Телеэпидемия. Женщина-почтальон приносит Электронику письма. Она говорит: «В почтовый ящик не лезет». На столе растет груда телеграмм, некоторые без адреса. Просто: Электронику. Или – Сыроежкину.

Это не фантастика. Не честолюбивые миражи. В редакцию «Пионерской правды», на телевидение, в адрес Велтистова пришло около 80 000 писем от читателей и зрителей.

Одна девочка написала, что после знакомства с Электроником она поняла: «Нужно быть честной, работать своим умом». Другая рассказала про младшего брата: он, под влиянием Электроника, «прошел всю математику за пятый класс. Вот сейчас сидит занимается и передает вам привет». Третья наотрез отказалась, пока не досмотрит «Электроника», уехать в лагерь. Дети писали, что проводят конкурс на «лучшего Электроника по учебе», ставят по «Электронику» спектакли. А школьники из далекого дагестанского города даже предложили «устроить олимпийские игры в честь Электроника и Сыроежкина»!

…Велтистов был совершенно чужд нравов литературной богемы. Дисциплинированный, деловой. Западный тип писателя, что живет не на гонорар. Ежедневно к девяти утра отправлялся на службу. В пиджачной паре, при галстуке. А когда же писал? По ночам? В отпуске?

Последняя часть «Электроника» вышла, когда писатель был уже смертельно болен. Экземпляры новой книги принесли в больницу, и он подарил ее врачам, сестрам, нянечкам.

Евгений Серафимович Велтистов (1934–1989) оставил нам много хороших книг. За сценарий трехсерийного фильма «Приключения Электроника» он получил в 1982 году Государственную премию. Этот кинофильм и сегодня показывают по телевидению в каникулы. Летом, осенью, зимой…

Доктор физико-математических наук, профессор Сергей Петрович Капица назвал Электроника «Буратино наших дней», а его историю – сказкой, спроецированной в электронный век.

Владимир Приходько

Электроник – мальчик из чемодана

Чемодан с четырьмя ручками

Ранним майским утром к гостинице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль. Распахнулась дверца, из машины выскочил человек с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты цветов, он смущенно улыбнулся. Это был профессор Громов. Почетный гость конгресса кибернетиков приехал из Синегорска, сибирского научного городка, и, как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжественную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти багажника торчал закругленный угол большого чемодана.

– Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, – сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. – Это очень тяжелый чемодан.

– Пустяки, – отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, черного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осторожно! Приборы!»

– Ну и ну… – покачал головой директор. – Как же вы справлялись, профессор?

– Приглашал четырех носильщиков. А сам руководил, – сказал Громов.

– Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

– Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взялись за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

– Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

– Все чудесно, настроение отличное, – успокоил его профессор.

– Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. – И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями прострекотал маленький вертолет – воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолетам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зеленых деревьев, застывших, как в почетном карауле. Куда ни посмотришь – везде что-то новое: березовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень… Сады висели и над головой, на крышах зданий, защищенные от непогоды прозрачными раздвижными куполами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами, тоже была зелень: вьющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

– Дубки подросли, – сказал профессор, смотря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане, на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы… Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города.

– Вот мы и приехали, Электроник, – мягко произнес профессор. – Как ты себя чувствуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза открылись. Мальчик приподнялся и сел.

– Я чувствую себя хорошо, – сказал он хриплым голосом. – Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

– Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом… А теперь одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил ее в розетку.

– Ой! – дернулся Электроник.

– Ничего, ничего, потерпи, – успокаивающе сказал профессор. – Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошел к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

– Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, – попыхивая трубкой, весело сказал Громов. – Самочувствие? Превосходное!

– Я не хочу, – раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. – Я так не могу…

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

– Приезжайте… Жду… Предупреждаю, вас ждет сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Электроник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, молниеносно вскочил на него и прыгнул со второго этажа.

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

– Электроник! – крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

– Двести двадцать вольт! – В его голосе прозвучала тревога. – Что я наделал! – Он бросился к двери.

Сбегая по лестнице, профессор заметил удивленное лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, скомандовал шоферу:

– Вперед! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

…Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

Белый халат или формулы?

Живет в большом городе обыкновенный мальчишка – Сергей Сыроежкин. Внешность его ничем не примечательна: круглый курносый нос, серые глаза, длинные ресницы. Волосы всегда взъерошены. Мышцы незаметные, но тугие. Руки в ссадинах и чернилах, ботинки потрепаны в футбольных баталиях. Словом, Сыроежкин такой, как и все тринадцатилетние.

Сережка полгода назад переехал в большой желто-красный дом на Липовой аллее, а до этого он жил в Гороховом переулке. Даже странно, как среди зданий-великанов мог так долго сохраниться последний островок старого города – Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно. Но вот уже полгода, как Горохова переулка нет. Бульдозеры снесли дома, и теперь там орудуют длиннорукие краны.

Сережке нравится его новая жизнь. Он считает, что во всем городе нет такого замечательного двора: просторного, как площадь, и зеленого, как парк. Целый день скачи, играй, прячься – и не надоест. А если и надоест – иди в мастерские, строгай, пили, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало.

А придет минута спокойной задумчивости, и он увидит над двором стремительные облака-птицы, облака-планеры, облака-ракеты, которые несет с собой ветер в голубом небе. И прямо из-за крыши вылетит на него большая серебристая машина – пассажирский реактивный самолет, прикроет на мгновение крыльями весь двор и так же внезапно исчезнет, только гром прогремит по крышам.

И новая школа – вот она стоит посреди двора – тоже по душе Сережке. В классах белые парты и желтые, зеленые, голубые доски. Выйдешь в коридор – перед тобой стена из стекла, и небо с облаками, и деревья, и кусты; так и кажется, что школа плывет среди зеленых волн, будто пароход. А еще самое главное, самое интересное – счетные машины в лабораториях. Большие и маленькие, похожие на шкафы, телевизоры и пишущие машинки, они приветствовали Сыроежкина веселым стуком клавиш, дружески подмигивали ему разноцветными глазками и добродушно гудели свою нескончаемую песню. Из-за этих умнейших машин и название у школы было особенное: юных кибернетиков.

Когда Сыроежкин только приехал в новый дом, записался в седьмой «Б» и еще не видел этих машин, он сказал отцу:

– Ну, мне повезло. Буду конструировать робота.

– Робота? – удивился Павел Антонович. – Это для чего же?

– Как – для чего! Будет ходить в булочную, мыть посуду, готовить обед. Будет у меня такой друг!

– Ну и дружба! – сказал отец. – Мыть посуду…

– Но это же робот, механический слуга, – ответил Сережка.

И он еще долго рассуждал о том, какие обязанности можно возложить на робота, пока отец не прервал его:

– Ну, хватит фантазировать! Завтра пойдешь в школу и все узнаешь.

– И еще будет чистить ботинки, – пробормотал Сережка из-под одеяла.

А назавтра Сергей уже забыл, что собирается делать робота. После школы он вихрем ворвался в квартиру, бросил в коридоре портфель и, отдуваясь, продекламировал:

«А» и «Б»
Сидели на трубе.
«А» упало, «Б» пропало,

Что осталось на трубе?

– Вот тебе и на! – засмеялся отец. – Наш кибернетик сделал открытие. По-моему, эту задачку изучают в детском саду.

– Хорошо, – сказал Сережка, – если в детском саду, тогда реши ее.

– Да ну тебя, Сережка, отстань! Мне еще до самой ночи сидеть над чертежом.

Павел Антонович пошел было в комнату, но Сергей вцепился в него, как клещ.

– Нет, ты не увиливай! Ты скажи, что осталось на трубе?

– Наверно, «И»? – Отец пожал плечами.

– Вот ты рассуждаешь как раз примитивно, – важно сказал Сережка. – Предположим, «А» – это трубочист, «Б» – печник. Если они оба свалились, как же могло остаться «И»? Это не предмет, его нельзя потрогать или уронить. – Сергей сделал маленькую паузу и хитро улыбнулся. – Но ты тоже прав. Раз ты не сбросил с трубы «И», ты его заметил. Значит, это слово несет важную информацию. А именно: оно обозначает тесную связь между объектом «А» и объектом «Б». Хотя это «И» не предмет, оно существует.

– Мудрено, – сказал Павел Антонович, – но мы, кажется, друг друга поняли.

– А по-моему, все очень просто, – продолжал сын. – Каждая буква, каждое слово, даже вещь, даже ветер или солнце несут свою информацию. Ты, например, читаешь газету и узнаешь новости. Я решаю задачу, применяю формулы и нахожу ответ. Где-то в море капитан ведет корабль и смотрит, какие волны, какой ветер. Все мы делаем одно и то же: берем какую-то информацию и работаем.

Из этой «ученой» речи отец сделал неожиданный вывод:

– Значит, если ты приносишь тройку и говоришь «я все знал», надо верить не твоим словам, а результату, дневнику. Очень мудрое правило!

– Ну, теперь у меня не будет ни одной тройки, – убежденно сказал Сергей. – Я буду изучать все машины.

Отец засмеялся, обхватил Сережку за плечи, закружил по комнате:

– Ах ты, предводитель роботов и государственный человек! Хочешь ужинать? Есть вкусный компот.

– Какой компот! Подожди! Я не сказал самого главного. Я еще не выбрал, кем мне быть: программистом или монтажником?

Они проговорили весь вечер, но так и не решили, что же лучше. Сережка не знал, кем же ему стать – инженером или математиком? На кого учиться – на вычислителя-программиста или на монтажника этих быстро соображающих машин?

Будь Сережка монтажником, он бы уже через год стоял в белом халате над чертежами, собственными руками собирал блоки машин – маленькие электронные организмы. Захочет – и научится делать какую угодно машину. Автомат для варки стали, или диспетчера самоходных комбайнов, или справочник для врача. Можно и телевизионный аппарат, который ведет репортаж из космоса, и со дна океана, и из-под земли.

Одно лишь неудобство смущало Сыроежкина: его белый халат должен быть всегда идеально чист. Любая соринка, пушинка, обыкновенная пыль могли испортить при сборке всю машину. А следить за какими-то пушинками и соринками не в характере Сыроежкина.

Ученики-программисты проводили школьные часы иначе: на доске и на бумаге атаковали уравнения и задачи. Ведь они должны были составлять на языке математики программы работы для тех машин, которые собирали монтажники. Может быть, на первый взгляд это было не так интересно, как рождение всемогущих автоматов, но математики с великим азартом вели сражения. Они ни за что на свете не променяли бы свое оружие – теоремы и формулы – и были очень горды, когда выходили победителями.

Итак, схемы или формулы? Это надо было решить окончательно не сейчас, не сегодня, а осенью. Но Сережку то и дело раздирали противоречивые желания. Бывали дни, когда в нем вспыхивала страсть к математике, и он часами сидел над учебниками. С гордостью показывал Сергей отцу, как он расправился с труднейшими задачами, и они начинали играть, составляя уравнения из самолетов и автомобилей, зверей зоосада и деревьев в лесу.

А потом совершенно незаметно страсть к математике испарялась, и Сыроежкина притягивали, как магнит, двери лабораторий. Выбрав удобный момент, он входил в них вместе с чужим классом, садился в уголке, наблюдал, как возятся с деталями старшие ребята. Поет-гудит песню счетная машина, горят угольки ее глаз, и Сыроежкин чувствует себя хорошо.

После таких увлечений техникой неизбежно бывают неприятности: отец должен расписаться в дневнике. Павел Антонович укоризненно смотрит на сына и качает головой. Сергей отворачивается, внимательно рассматривает книжный шкаф, пожимает плечами:

– Ну, не вышла задача… Что тут такого? Дурацкие пешеходы. Идут, отдыхают, садятся на поезд…

– А теперь ты ее решил?

– Решил, – скучно говорит Сережка. – Вообще не могу я долго возиться с уравнениями… Голова болит.

Но никакие отговорки не помогают, приходится сидеть над задачником. Сережка читает и перечитывает пять строк о садовнике, собравшем богатый урожай яблок и груш, а сам думает о собаке, которая в темноте долго бежала за ним. Он тихонько свистел ей и все оглядывался: бежит ли? Собака то трусила следом, то останавливалась, садилась и как-то тоскливо смотрела на Сережку. У нее был белый треугольник на груди, одно ухо торчком, а второе будто сломано посредине.

У подъезда Сережка приготовился взять ее на руки, но она чего-то испугалась, отскочила и убежала.

Сережка опять тупо смотрит в задачник, катает по столу ручку. Потом захлопывает книгу, быстро складывает все в портфель. Он нашел самое простое решение: «Спишу у Профессора».

Профессор, или Вовка Корольков, – сосед Сыроежкина по парте. Его тетради – хоть сейчас на выставку или в музей: ни клякс, ни исправлений, одни аккуратные мелкие буквочки и цифры. Да и самого хозяина тетрадей можно демонстрировать в музее. Профессор знает про все на свете, начиная от моллюсков и кончая космосом. Но он не задается, никогда не задирает нос перед товарищами. Для него самое главное в жизни – это математика. Увидев какое-нибудь уравнение, Профессор забывает обо всем на свете. Правда, когда Сережка не может справиться с задачкой, Профессор спускается со своих высот и подсказывает решение. Для этого его нужно как следует толкнуть в бок.

Но особой дружбы между соседями не было. Профессор дружил с Макаром Гусевым, сидевшим на первой парте и заслонявшим остальным добрую четверть доски. Забавная это была пара: худой, бледный, самый маленький в классе Профессор, известный запусками самодельных ракет, разными хитроумными выдумками, и здоровенный, румяный, с кулаками, как дыньки, Макар Гусев. Он, Макар, прославлял своего приятеля, а иногда даже подавал ему неожиданные идеи: предлагал делать лыжи с моторчиком, варить лимонное масло и так далее. У Макара тоже не было никаких сомнений в своем будущем. Когда заходила об этом речь, он демонстрировал свои мышцы и говорил: «Само собой, буду возиться с машинами. Вот у Профессора голова особенная. Пусть он и ломает ее. А я чихал на эти премудрости».

Если Профессор был симпатичен Сережке, то верзила Гусев попортил ему немало крови. Фамилия Сережки с первой же встречи показалась Макару чересчур забавной и потом просто не давала ему покоя, словно щекотала.

– Привет, Сыроежкин! – басом кричал еще издали Макар. – Сыр ешь или не ешь?

Если Сережка отвечал, что он не ест, Макар продолжал:

– Тогда ты должен быть Сыроножкин, Сыроручкин или Сыроушкин!

Сергей пробовал отвечать утвердительно, но и тут Макар не успокаивался и провозглашал:

– Внимание! Идет Сыр Сырыч Сыров, он же Сережка Сыроежкин, большой знаток и любитель всех сортов сыра во всем мире. Скажите, пожалуйста, что вы ели на завтрак?

И тогда Сережка решил ничего не говорить и молча поднимался в класс.

Гусев не отставал от него ни на шаг.

– Послушай, как тебя – Сыроглазкин?

Я вчера забыл твою фамилию и мучился всю ночь. Сырокошкин? Сыромышкин? Сыросороконожкин?

Иногда Сережка так злился на приставалу, что был готов его ударить. Но начинать первому не хотелось, а верзила ни с кем не дрался. Оставалось перенять метод у противника. И Сережка на уроках осторожно водил мелом по спине Макара – ведь она торчала прямо перед ним. Класс посмеивался, созерцая слово «Гусь», а Макар подозрительно оглядывался. На переменке он гонялся за Сережкой, но поймать более верткого обидчика не мог и издали грозил кулаком-дынькой.

Эти маленькие обиды мгновенно забывались, прекращались короткие потасовки в углах, когда появлялись Виктор Попов и Спартак Неделин из девятого «А». При всем желании нельзя было отыскать в школе такого человека, который бы не знал выдающихся математиков. О них ходили легенды. Мальчишки табуном следовали за знаменитой парой и передавали друг другу новости:

– Ребята, Неделин свалил замечательное неравенство! Все бились – и ничего, а он взял и свалил. А Спартак зато доказал труднейшую теорему!

Знаменитости между тем не обращали на пышную свиту ни малейшего внимания. Они неторопливо прогуливались по залу и загадывали друг другу музыкальные задачки: тихонько насвистывали или напевали мелодии и угадывали композитора. Потом звенел звонок, двери девятого «А» закрывались, и школа ждала новостей.

Новости бывали самые разные:

– Слышали? Неделин весь урок с учителем спорил. Тот доказывает свое, а этот – свое. Так до самого звонка и говорили.

– Хорошо ему, он все знает. А тут не успеешь спокойно посидеть на месте, как уже тянут к доске.

– Видели, Спартак надел красную майку? Под рубашкой просвечивает. Опять забьет голы биологам!

– Ну и что? Там учатся одни девчонки.

А ребят – раз-два и обчелся. И все хилые. Не мудрено их обыграть… Вот Попов скрипку новую купил! Такие концерты закатывает, что все соседи не спят.

– Да я сам живу под Спартаком. На два этажа ниже. Знаешь, как он гремит на рояле! Что твоя скрипка! Рояль на все десять этажей слышно.

– Что ты очки нацепил? Не на Витьку ли Попова хочешь быть похож? Ваш Витька слабак, футбол не гоняет. Смотри, зачахнешь с этими очками. Лучше грамм здоровья, чем тонна знаний.

– Сам ты слабак! Я делаю зарядку каждый день. И прыгнул дальше тебя!

Как видите, поклонники математики из всех классов разделились на два лагеря. Одни подражали задумчивому, серьезному Попову, иронически смотрящему на шумные развлечения. Обожатели живого, мускулистого Спартака восхваляли спорт и пытались сочинять стихи,

кто знает – лучше или хуже тех, которые Неделин печатал в каждом номере стенгазеты. Единственное, на чем сходились два лагеря, что математика – основа всей жизни.

Сыроежкин, конечно, был сторонником веселого Спартака, хотя тот и не оказывал ему никаких знаков внимания. А Попова семиклассник сторонился после одного происшествия. Сережка бежал по коридору, как вдруг резко распахнулась дверь и треснула его по голове. Случайный виновник этого удара – Виктор Попов – был, видимо, занят своими мыслями. Он и не взглянул на пострадавшего, лишь бросил на ходу:

– Эй, малыш, осторожнее!

Тут Сережка взбесился. Не потому, что получил здоровенную шишку на лбу. Его взбесило само обращение.

– Какой большой нашелся!.. – процедил он сквозь зубы. – Как дам сейчас по очкам, чтоб смотрел, куда идешь!

Попов остановился, с удивлением оглядел незнакомую фигуру и неожиданно спросил:

– Эй ты, забияка, скажи мне лучше, что такое «Аль-джебр и аль-мукабала»?

Сергей ничего не ответил. Он пошире расставил ноги и сунул руки в карманы брюк.

– Пора бы знать, что это – математическое сочинение девятого века, которое дало название алгебре. – Попов глядел на забияку с явной иронией. – И между прочим, молодой человек, профессора, которые навещают нашу школу, называют меня коллегой. Слышал? Коллегой.

На этом, собственно, столкновение кончилось.

Витька Попов давным-давно все забыл.

А Сыроежкин помнил. И быть может, именно после того случая он придумал такую историю.

Вот он через два года – никому не известный девятиклассник – приходит в университет на математическую олимпиаду. Берет лист бумаги, читает условия задач. Десять минут – и он подает комиссии исписанный листок. В зале скрипят вовсю перья, но он удаляется, даже не оглянувшись. Комиссия читает его работу и дивится: «Кто такой этот Сыроежкин? Никогда не посещал математических кружков, не присутствовал на заседаниях секции и так легко, играючи нашел свои остроумные решения. Даже странно, что для него не существует неразрешенных задач…»

А на другой день повесят плакат:

«Первое место занял ученик девятого класса Сергей Сыроежкин. Почет и слава!..»

Витька Попов узнает об этом и протягивает руку примирения: «Извини, коллега. Такие задачи не мог решить даже я…»

А что? Разве не может так быть? Сережка читал в одной книге, что знаменитая теорема Стокса появилась на свет, когда Стокс был студентом и отвечал на экзамене самому Максвеллу. С тех пор теорема носит его имя. И теорема Релея доказана тоже на экзамене. Так почему же не может быть открыта когда-нибудь теорема Сыроежкина?..

Но чаще всего, когда Сергей задумывается, кем ему быть, мысли его скачут в полном беспорядке, и он удивляется своему непостоянству.

«Почему ни с того ни с сего я начинаю думать про Антарктиду, про марки Мадагаскара и забываю, что надо идти в школу? – философствует в такие минуты Сыроежкин. – Я могу думать или не думать, учиться или лениться, делать что-нибудь или совсем ничего не делать. Почему, если я захочу, все выходит быстро и хорошо – и уроки, и уборка дома, и кросс. Захочу – и не буду ни математиком, ни инженером, а буду шофером, или геологом, или, как отец и мать, конструктором. На уроках географии меня так и тянет уехать на Север, работать там на заводе и отдыхать в стеклянном санатории. А на истории – раскапывать скифские курганы, искать стрелы, щиты, копья и разгадывать древние пергаменты. И конечно, всегда хочется быть космонавтом!.. Почему я такой, что сам себя не могу понять?»

И Сережка спрашивает отца:

– Пап, а как ты узнал, что хочешь быть конструктором?

Он спрашивает это, наверно, в сотый раз, хотя заранее знает все: как отец окончил школу, потом работал шофером на сибирской стройке – водил здоровенные самосвалы, потом поступил в автостроительный и там встретил маму. И пока Павел Антонович – наверно, в сотый раз – с удовольствием вспоминает молодость, Сережка думает о своем:

«Почему-то раньше все было просто. Люди знали, кем они хотят быть, на кого надо учиться. А тут стоишь, как Илья Муромец перед камнем, и не знаешь: налево пойдешь, направо пойдешь или прямо пойдешь? Даже тоска берет…»

И он опять вспомнил ту самую собаку, которая бежала за ним в темноте. Так долго бежала, и на тебе – только он хотел подобрать ее, принести домой, как она удрала. Чего она, глупая, испугалась?

– О чем ты думаешь? – спрашивает отец, прервав свой рассказ.

– Пап, а собака – умное существо? Она понимает, что ей говоришь?

– По-моему, понимает. Когда слушается, то понимает.

– А как понять человеку, что она чувствует?

– Наверно, надо научить ее говорить, – шутит отец.

– Пап, ты больше не рассказывай. Я все уже вспомнил, что было дальше… Пап, я твердо решил: я буду ветеринаром.

– Ну, как знаешь! – Павел Антонович пожимает плечами и уходит из комнаты.

Обиделся, что ли?

– А ветеринар – неплохая специальность! – кричит за стенкой отец.

Нет, не обиделся.

Павел Антонович возвращается с томом энциклопедии.

– Сейчас мы прочтем о ветеринарах, – говорит он.

«Неплохая! – про себя усмехается Сергей, пока отец читает вслух энциклопедию. – Лечить всяких кошек да коров. Ну и занятие!.. Ничего они не понимают, эти взрослые. Скажешь что-нибудь нечаянно, а они уже развивают. А что хочется узнать на самом деле, так они этого не знают. Да и откуда им знать, как понимать собачьи чувства!.. Что же все-таки хотела та бездомная дворняга? Почему она убежала?»

Кто он, чемпион?

В воскресенье Сыроежкин встал рано. Не потому, что у него были неотложные дела. Просто утро выдалось настолько яркое, свежее после ночного дождика, что было бы глупо валяться в постели. В такое утро всегда чувствуешь, что случится что-то радостное или необыкновенное: ведь день будет длинным-предлинным и очень далек тот час, когда позовут спать.

В соседней комнате было тихо, и Сережка хотел незаметно ускользнуть из дома. Как можно осторожнее взялся он за тугой замок, но тот все же предательски щелкнул.

– Сережа! – Это мама зовет из соседней комнаты. Услышала.

– Чего?

– Сходи, пожалуйста, за хлебом. И не опаздывай на зарядку.

Зарядка бывает в восемь. Звучит горн. На футбольном поле стоит человек в красной майке. Это мастер спорта Акульшин, он живет на третьем этаже. Стоит и ждет, когда сбегутся ребята из всех подъездов. Потом пробежка, прыжки и игра в мяч. Как видите, зарядка совсем не скучная, и Сережка не собирается увиливать. А вот хлеб – это уже обязанность. Зачем ходить за ним, когда можно заказать на дом? Мама говорит так: из воспитательных целей, чтобы он, Сережка, не разленился.

– Две булки?

– Ну конечно. Ты же знаешь, – слышится из-за двери.

– Сейчас выясним, одну минуточку! – громко говорит Сергей и усмехается, представив недоуменные лица родителей.

Он берет телефонную трубку, набирает три нуля подряд:

– Алло, справочное? Где я могу купить две свежие городские булки?

– Где вы живете? – бесстрастно спрашивает автомат.

– Липовая аллея, дом пять.

После нескольких секунд молчания автомат тем же тоном произносит:

– В вашем доме есть булочная.

– Спасибо, что напомнили, – еле сдерживая смех, отвечает Сыроежкин.

– Что он сказал? – кричит отец.

– Что булки еще горячие! И чтоб вы не опаздывали на гимнастику.

– А мы ни разу не опоздали! – хором отзываются родители и смеются над шуткой Сережки.

Верно, на эту гимнастику все взрослые идут охотно, даже пенсионеры. Поднимаются в лифтах на десятый этаж и выходят на крышу. Там – как во дворе: цветы, кусты, а посередине площадки и спортивные снаряды. Пенсионеры, конечно, на кольцах не подтягиваются, только приседают да машут руками. Зато Сережкин отец здорово крутит «солнце» на турнике и забрасывает в кольцо баскетбольный мяч.

В такую рань во дворе не было ни души. Поболтать было не с кем, поэтому Сыроежкин решил идти в самую дальнюю булочную: может, кого-нибудь встретит или увидит что-нибудь интересное…

Сережка медленно вышагивал под тенистыми липами. Со стороны можно было подумать, что он погружен в свои мысли. Но это не так. Он играл: шел по знакомой улице, а видел ее совсем новой. Вот посажены деревья, вчера их еще не было. Тоненькие, совсем палочки, и без листьев. Но ничего, скоро они наберут силу, зашумят на ветру… А вот бульдозеры наворотили кучу земли – ровняют площадку. Пока вал не убрали, здесь удобно прятаться… Где-то слышен гул мотора. Надо закрыть глаза и угадать: обычная машина или воздушная? Надо быстрее угадать, пока шум неразборчивый. А потом проверить себя и помахать вертолету с шашечками на боку.

Внизу, за рекой, видна чаша стадиона. Сережка смотрит на нее, но видит не стадион, а каменные стены римского Колизея. Сейчас он не семиклассник школы кибернетиков, он – отважный гладиатор; на нем не штаны и куртка, а железные доспехи. Рычат в подземелье дикие звери. Он должен схватиться с тиграми и львами и поразить их своим мечом, чтобы остаться живым. И он чувствует тоску, как тот гладиатор, который каждый день выходил на арену рисковать жизнью…

Нет, пусть лучше будет стадион не Колизеем, а синхрофазотроном! Да, да, такой он и есть, синхрофазотрон, самая большая в мире машина – круглая, как цирк, громада. Внутри нее носятся частицы, из которых состоит атомное ядро. Конечно, эти частицы ни за что не увидишь простым глазом. Будь атом размером с футбольное поле, его ядро станет просто мячом. Только вчера Сергей слышал об этом на уроке физики. Но сейчас он не просто Сергей, он – физик. Вот он берет фотопластинки, простреленные частицами, и под микроскопом видит следы, похожие на яркие, пушистые звезды. И начинает размышлять: «Чьи же это следы?.. Какая частица пролетела? Гм, гм, загадочно…»

Вдруг ударяет ему в глаза солнечный луч, и он забывает, что минуту назад был физиком. Темнеют вдалеке стены Кремля, и их охраняет на высоком берегу стрелец Сыроежкин. Идет высокий старик с палкой. Да это сам Иван Грозный! Какой приказ отдаст он своему воину?

Грозный остановился и спокойно спросил:

– Скажи-ка, дружище, как пройти к магазину «Миллион мелочей»?

– Н-не знаю, – растерянно пролепетал Сережка. – То есть что я!.. Знаю! Прямо, прямо и налево.

– Спасибо, – сказал, ничуть не удивившись, старик. И пошел. Медленно. Спокойно. Но уже совсем не как Иван Грозный.

Две булки были куплены в конце Липовой аллеи. На обратном пути, чтоб скоротать время, Сергей играл в вывески. Казалось бы, что тут такого: прочти вывеску наоборот – вот и вся премудрость. Но при этом получаются такие странные слова, словно ты очутился в другом мире.

АКЕТПА. МОНОРТСАГ. АКТСИЧМИХ.

Тьфу ты, язык можно сломать!

Сережка стал вспоминать фильм, который он видел совсем недавно. Очень интересный фильм. «Встреча миров». Про антимир. Начинается с того, как ракета с Земли подлетает к таинственной планете и пускает на разведку летающего робота. Тот начинает спускаться и неожиданно взрывается, словно атомная бомба. Оказывается, этот антимир устроен совсем наоборот, чем Земля, Солнце и вообще Галактика: и планета, и ее жители, и все-все остальное состоит там из античастиц – частиц с противоположными зарядами. Потому странный мир и называют «анти», то есть «против». Это открыли космонавты, которые прилетели с Земли. «У нас электрон отрицательный, – говорит командир ракеты, – а у них положительный. Стоит только нашим и их частицам столкнуться, как происходит взрыв…» В самом деле, занятный этот антимир: брось туда простой камень – взрыв, брось палку – взрыв, урони что-нибудь случайно с ракеты – снова взрыв. Но пока космонавты, которые в кино, догадались, куда они прилетели, разгорелась настоящая война. Все в зале сидели не шевелясь. Нервы у всех напряжены – так здорово закручено в картине.

И вот что еще интересно, почему он и вспомнил про этот фильм. В антимире все наоборот, даже право и лево: там, где у нас лево, у них право. Жаль, что города антимирян показывали только с высоты. Не разберешь, есть ли у них вывески. А так здания вполне совре-

менные, похожие на пластмассовые шары. И если у них все-таки есть вывески, то они читаются справа налево…

Сергей остановился, пораженный своим открытием. Он взглянул на вывески и торжественно произнес, будто читал заклинание:

РОФРАФ. МОНОРТСАГ.

Все вокруг него мгновенно изменилось. Он стоял на антиземле, читал антивывески и смотрел в холодное стекло антивитрины. А из стекла на Сережку глядел античеловек. Волосы зачесаны справа налево, карман с пуговицей – слева, а часы – на правой руке.

– Привет! – сказал Сыроежкин. – Я знаю, кто ты такой. Ты не просто мое отражение, а ты – Ажерес. Сейчас я опаздываю на зарядку, но в другой раз мы с тобой обязательно потолкуем. Будь здоров, Ажерес!

Сергей, махнув рукой на прощание и получив ответный жест, побежал домой.

– Конечно, это я перехватил, что обещал с ним потолковать, – бормотал он, вернувшись из антимира на Липовую аллею. – И все-таки здорово, что я встретил античеловека. Почти античеловека, – добавил он, подумав. – Во всяком случае, даю голову на отсечение, что сердце у него с правой стороны…

Во дворе на футбольном поле резвились малыши. Все ясно: зарядку он пропустил. Совсем неплохо было бы побегать с мячом, но что поделаешь, его задержал не кто-нибудь, а античеловек! И Сережка, как только свернул за угол, понял, что это открытие принесет ему славу. У крайнего подъезда он заметил ребят. Раз собрались, значит, что-то обсуждают или меняются ценностями.

Так и есть: слушают Витьку Смирнова. Тот стоит с гордым видом – нос кверху, волосы растрепанные.

– Ребята! – сказал Сережка. – Я только что видел античеловека!

В одно мгновение Смирнов оказался в полном одиночестве, ребята окружили Сыроежкина. Ему пришлось несколько раз повторять, как он читал вывески наоборот, как вспомнил про антимир из фильма и заметил в витрине Ажереса. Оказалось, все видели «Встречу миров», и все заметили, что в антимире наоборот лево и право, но никто даже не догадывался, что совсем рядом, буквально в двух шагах, можно отыскать нечто похожее на античеловека.

Открытие требовало немедленной проверки, и потому компания помчалась на улицу читать вывески по методу Сыроежкина и кривляться в витринах. А Сережка поплелся домой: в тот самый момент, когда он светился в лучах славы, его окликнули с балкона.

Он безропотно выслушал упреки матери, проглотил свой завтрак, отказался кататься по реке на крылатом теплоходе и оживился лишь тогда, когда решил, что обязательно станет физиком и будет изучать антимир.

Но где находится этот антимир? Где его изучать – на Земле или обязательно лететь в космос? И как далеко туда лететь, и какая нужна ракета, и как избежать взрыва?.. Десятки вопросов закружились в голове Сережки. Все они требовали немедленного обсуждения. И Сергей побежал к Вовке Королькову, который все знал.

«Наверно, там с утра торчит Макар Гусев, – подумал Сережка. – А с ним никакого разговора не получится. Одни только глупости. Как бы избавиться от Гуся?»

На всякий случай Сыроежкин прибегнул к мысленному внушению.

– Гусак, сиди дома! Гусак, сиди дома! – твердил он, поднимаясь по лестнице в соседнем подъезде.

Точно! Предчувствие не обмануло Сыроежкина: Гусак был тут как тут. Он возился на площадке с трубой, обклеенной черной бумагой. Увидев одноклассника, Гусев широко улыбнулся и сказал:

– А-а, Сыроежкин, привет! Видишь трубу? Телескоп. Увеличивает в тридцать раз. Наше с Профессором изобретение. Хочешь, Сыроежкин, первым увидеть звездное небо?

– А где Профессор? – деловито спросил Сережа.

– Сейчас придет. Ты смотри, пока труба свободная.

Конечно, в яркий, солнечный день никаких звезд увидеть было нельзя. Но Сережа все же нагнулся, прильнул к круглому глазку. Его обожгло, ослепило солнце. Огненные копья словно проткнули глаз. Растерянно моргая, вытирая ладонью катившиеся слезы, стоял Сергей у окна. Он хотел поддать ногой телескоп, но пожалел труд Профессора.

– Ну, что ты там увидел? – ехидно спросил Гусев.

– Такого болвана, как ты! – в сердцах сказал Сережка и побежал по лестнице. – Такого гуся лапчатого, как ты! – кричал он на бегу. – Нет, гусака! Толстого, очень противного гусака!

Макар не погнался за ним. Он только высунулся из окна и рявкнул:

– Я тебе покажу гусака! Лучше не попадайся!

Солнце светило ласково. Остро, душисто пахло молодой зеленью. Но мир казался Сережке серым, недобрым. Ему было горько, обидно. Он шел и думал: как отомстить верзиле, этому здоровенному, полному коварства Гусаку?

Сыроежкин строил планы мести и один за другим отвергал их. Лассо, которым можно заарканить и привязать врага к дереву, нападение в темноте, даже помощь приятелей – десять крепких кулаков – все это Сергею не нравилось. Оставалось найти чудодейственные капли, удесятеряющие силы человека, и вызвать обидчика на бой. Но где достанешь их рецепт?

Неожиданно сильные руки схватили Сережку и подняли высоко вверх!

– Вот он! – закричал кто-то оглушительно громко. – Качай его!

Сережка очнулся. Он увидел флаги, спортсменов в ярких майках и бьющие в глаза белые буквы на красном полотне: ФИНИШ. Какие-то люди несли Сережку, подняв над толпой, и кричали:

– Нашли! Нашли! Вот он – чемпион!

Толпа оборачивалась, расступалась, разглядывала Сыроежкина, а он только хлопал ресницами и вертел головой.

Кто-то схватил его за руку, подержал, шагая рядом, и удивленно сказал:

– Пульс нормальный! Не сердце, а часы!

– Он не запыхался! – восторженно подхватил другой болельщик. – Легкие – как кузнечные мехи!

– Чемпион… Чемпион… – повторяли все вокруг.

Сережку поставили перед высоким крепким человеком в белом костюме с алой повязкой на рукаве.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Сергей Сыроежкин, – удивленно сказал неожиданный чемпион.

– Где ты живешь? Где учишься?

– На Липовой аллее. В школе кибернетиков.

– Товарищи! – закричал судья в белом костюме. – Неизвестный бегун – Сергей Сыроежкин! Он живет здесь, в Октябрьском районе!

Толпа загудела.

– Молодец, – сказал судья Сыроежкину. – Поздравляю!

– А за что? – удивленно спросил Сергей.

– Молодец, – повторил судья. – Никогда не надо задаваться. А завтра приходи в пять часов на стадион в секцию легкой атлетики. Вот. – Он достал блокнот, оторвал листок и что-то быстро написал. – Здесь адрес и мое имя. Приходи обязательно. Талант надо развивать.

Он повернулся к другим судьям:

– Я думаю, можно засчитать бег Сыроежкина.

– А я протестую! – резко ответил судья в тренировочном костюме. – Сыроежкина нет в списках команды.

– Считать! Считать! Считать! – загалдели болельщики. – Он из нашего района!

Судьи стали спорить, а Сережка тихо отошел в сторону, сжимая в руке листок. Чемпиона дружески хлопали по плечу, ему говорили бодрые слова, кто-то сунул ему мороженое. На него дивились, как на чудо.

А чуду было очень неловко. Чудо все еще ничего не понимало. Чудо выбрало в шумной толпе спокойного толстяка с палкой и робко спросило:

– А что случилось?

– Нет, вы только посмотрите на него! – громко сказал толстяк, напугав Сережку. Бежать было некуда: вокруг уже стояли плотным кольцом болельщики. – Он даже не понимает, что натворил, – продолжал толстяк, стуча об асфальт палкой. – Талантлив и чист душою!.. Так вот, – человек наклонился к Сережке, – наш район проигрывал эстафету соседям. Мы уже решили, что дело конченое. Оставался последний этап в четыреста метров. Наш стоит, ждет палочку, а соперник уже бежит, только пятки мелькают. Как вдруг, откуда ни возьмись, – ты! Вырвал у нашего недотепы палочку, догнал первого, перегнал его, разорвал ленточку и исчез. Просто удача, что ты живешь в нашем районе. – Человек вдруг взмахнул палкой и заголосил: – Засчитать Сыроежкина!

– Засчитать!!! – подхватили стоявшие вокруг люди.

Сережка сунул листок в карман, незаметно выбрался из толпы и бросился со всех ног прочь. Он не понимал, почему бежит от ярких флагов и шумных болельщиков, не подошел к главному судье и не объяснил ошибку. Все происшествия утра – решимость стать физиком, удар солнца в глаза, жажда мести, неожиданная слава – все смешалось в голове Сережки и гнало его вперед. Пожалуй, теперь он на самом деле мог поставить рекорд. Только сердце колотилось, как бешеный маятник, а из легких вырывался какой-то странный свист.

Он выскочил на обрывистый берег реки, упал на траву и долго лежал неподвижно, с закрытыми глазами, слушая удары в груди, ловя ртом воздух. Отдышался, перевернулся на живот и заметил недалеко в кустах синюю куртку. Куртка как куртка, обыкновенная куртка. И все же что-то в этой куртке беспокоило Сыроежкина. Что-то черное, маленькое, блестящее торчало из-под синей куртки. Сережка посмотрел внимательнее и вытаращил глаза: это была небольшая электрическая вилка для включения в сеть.

Сергей никогда еще не видел курток, из-под которых высовываются такие необыкновенные хвосты. Поэтому он тихонько подполз к кусту, осторожно взял вилку и потянул к себе. Куртка вздрогнула, зашевелилась. Из куста прямо на Сережку вылез очень знакомый мальчишка.

Нет, совсем незнакомый! Это был кто-то чужой. Но этот «кто-то» был вылитый Сыроежкин. Сергей посмотрел на него широко открытыми глазами, и ему казалось, что это он сам вылез сейчас из куста и дивится на забияку, дернувшего его за куртку. А мальчик в синей куртке, живой двойник Сережки, тоже замер и смотрел в глаза Сыроежкину. На лице его ничего не отражалось – ни удивления, ни улыбки. Оно было совершенно спокойным.

– Это твой штепсель, то есть вилка? – наконец сказал, приходя в себя, Сергей.

– Да, – отозвался мальчик в синей куртке немного скрипучим голосом.

– А зачем она тебе? – опять спросил Сергей и услышал странный ответ:

– Я питаюсь электроэнергией.

– Ты… – Сергей помедлил. – Ты… робот?

– Нет, я Электроник, – так же спокойно произнес мальчик.

– Но ведь ты не человек?

– Да, я не человек.

Они сидели на траве совсем рядом и молчали. Сережка незаметно рассматривал своего соседа. «Ну и пусть, что у него провод с вилкой, – думал Сергей. – Зато с ним можно говорить спокойно, по-человечески, не то что с Гусаком…»

И вдруг Сережку осенило.

– Послушай, это ты бежал так быстро и обогнал всех? – волнуясь, спросил он.

– Я.

– Ты знаешь, мы с тобой очень похожи…

– Такое совпадение обусловлено математическими законами, – объяснил мальчик в синей куртке, и Сережку сразу успокоила его рассудительность.

– И ты это заметил?

– Да, заметил.

– Ты знаешь, меня приняли за тебя. А настоящий чемпион – это ты!

– Может быть, я чемпион, – согласился собеседник Сережки. – Но я совсем не хотел этого.

– Не хотел? Вот чудак!

– Ноги несли меня вперед, – продолжал странный мальчик, – я не мог остановиться. Поэтому, скорее всего, я не чемпион.

Тут Сережка вскочил, стал рассказывать, как спорили судьи, как его качали и несли на руках. Мальчик в синей куртке тоже встал и внимательно смотрел на Сыроежкина. Его лицо было по-прежнему спокойным и неподвижным. Нет, он не завидовал неожиданной славе Сережки, совсем не завидовал.

– Я никогда не видел, чтоб кто-нибудь бежал так быстро! – восторгался Сыроежкин. – Если б судьи не ушли, я бы привел тебя и сказал: вот кто установил мировой рекорд! Электроник! А я-то просто Сыроежкин…

– Сыроежкин? – скрипуче спросил Электроник.

– Ах да!.. Мы еще не познакомились. – Сергей протянул руку. – Зови меня Сережкой.

– Сережка Сыроежкин, – медленно повторил, словно запоминая, Электроник. Его правая рука осторожно взяла пальцы Сыроежкина и сжала их так сильно, что Сережка вскрикнул.

– Извини, Сережка. – Электроник посмотрел на свою ладонь. – У меня запрограммировано, что с такой силой надо жать руку друга.

Сергей, приплясывая, дул на пальцы. Он ничуть не обиделся.

– Ничего! Это очень даже здорово! Ты не уменьшай силу. Она нам еще пригодится… Расскажи о себе. Ты здесь живешь?

– Нет, только сегодня приехал.

– Тогда я покажу тебе город! – обрадовался Сергей. – Сперва пойдем в парк, купим мороженое и съедим по четыре штуки.

– Я ничего не ем, – сказал Электроник.

– Совсем забыл! – Сережка махнул рукой и от души пожалел приятеля: – Не повезло тебе. Мороженое куда вкуснее электрического тока! Я могу клубничного сразу четыре штуки проглотить!

– Я тоже глотал. Предметы… Когда показывал фокусы, – уточнил Электроник.

– Фокусы? Здорово! Обязательно мне покажешь!

– Хорошо. Покажу.

Так, весело болтая, шли они к парку. И все встречные оглядывались им вслед: не на каждом шагу встречаются такие похожие близнецы.

Фокусник всех времен

Вот они входят в парк. Их встречают румяный Клоун, Ученый чудак и забавный Марсианин на ходулях. Им вручают маски золотой лучистой звезды и страшного медведя, в их честь гремит веселый марш, носится по орбите знаменитый спутник «Биб-бип» и взлетают в небо маленькие ракеты. В парке карнавал, сегодня всем весело, все смеются. И Сережка хохочет под маской страшного медведя, хватает за руку золотую улыбчатую звезду, и они бегут к «чертову колесу». А потом взлетают вверх, падают вниз, вертятся, вертятся и смотрят с вышины на город. И еще кружатся на карусели, делают мертвые петли в самолетах, взлетают и приземляются в космическом корабле. Все время вместе – Сережка и Электроник. Все время рядом – Электроник и Сережка.

А на маленькой сцене идет концерт. Стоит на самом краю тонкая девочка, вся в голубом, с ног до головы, даже шары в руке голубые, и поет песню:

Шары, шары,
Мои голубые шары,
Летите, шары,
Несите, шары,
Мечты моей порыв
Далеко, далеко,
Дальше крыш…

Почему вдруг умолк Сережка? Почему он стоит совсем тихо и смотрит не на Электроника, а на голубую девочку? Почему он не хлопает, как все?

Выходит на сцену конферансье и говорит:

– Сегодня дают концерт зрители. Вы только что слышали песню, которую сочинила сама певица. Свои песни, свое исполнение! Прошу не стесняться!.. Итак, акробатический этюд покажут братья Самоваровы.

Почему Сережка не смотрит на акробатов Самоваровых? Почему он вытянул шею и наблюдает, как садится голубая девочка в первом ряду? Почему тянет Электроника к эстраде?

– Электроник, – прошептал Сережка другу, – прошу тебя, выступи. Покажи фокусы.

– Я не знаю… – неуверенно сказал Электроник.

– Ну, милый, ну, Электроша, ну, продемонстрируй! Фокусы, понимаешь, фокусы! Все сразу развеселятся, тебе будут хлопать, и я – громче всех.

– Я покажу фокусы, – согласился Электроник и пошел вместе с другом за кулисы.

Сережка тронул за плечо конферансье и стал ему объяснять, показывая на маску золотой звезды:

– Эта маска – мой друг. Он замечательный фокусник. Я его просил, он согласился выступать.

Конферансье стоял и кивал головой: он понял все с полуслова.

– Как тебя объявить? – спросил он Электроника.

– Объявите просто, – сказала скрипучим голосом маска. – Выступает величайший фокусник всех времен и народов, который выступал когда-либо, выступает ныне или будет выступать.

Сережка улыбнулся: «Ну и Электроник! Настоящий цирковой артист. Совсем не стесняется. И фокусы у него, наверно, замечательные».

А конферансье подумал: «Ого! Вот это скромность!» Но он вышел и объявил так, как было сказано. Чутье подсказывало ему, что в случае провала величайшего фокусника зрители примут все за шутку.

– Сейчас ты им покажешь! – тихо сказал Сережка Электронику, поглядывая сквозь прорези своей маски на голубую девочку в первом ряду. – Я чувствую, что ты не только лучший в мире бегун, но и отчаянный фокусник. Сними-ка, Электроник, маску. Пусть тебя видят все!

– Сейчас я им всё покажу, – невозмутимо подтвердил Электроник и послушно снял маску.

Фокусник вышел на сцену и поднял руки. Все сначала смотрели на руку и только потом увидели, что электрический рояль тронулся с места и, скрипя колесиками, покатился за кулисы.

– Ерунда! – громко сказал мальчишка из первого ряда. – Привязали веревку и тянут.

Но у конферансье, стоявшего за кулисами, округлились глаза: он видел, точно видел, что никто не тянет рояль! Рояль катился сам и отчаянно скрипел колесиками. Фокусник опустил руку, и рояль остановился. А голубая девочка приподнялась со своего места, чтобы видеть, что будет дальше.

Неожиданно для зрителей фокусник сделал сальто-мортале, и по сцене запрыгали тонкие серебристые кольца. Они подскакивали с приятным звоном и так ярко блестели, что зрители щурили глаза.

Тихо и плавно вступил оркестр. Фокусник повел рукой, и кольца покатились по сцене, сделали круг, потом другой, третий. И вот, звеня и искрясь, они уже раскатились в разные стороны и закружились, словно цирковые лошадки. А фокусник даже не смотрел на них, закрыл глаза, уверенный, что все кольца послушны плавным движениям его рук, что они крутятся волчком, замирают на месте, скачут вверх и вниз и ни одно не упадет.

Зрители аплодируют, заглушая оркестр, и громче всех – маска медведя. Сережка был восхищен. Что за чудо его друг! Он видел, как замерла голубая девочка. Какие у нее большие грустные глаза… Вот она улыбнулась! Молодец Электроник! И он, Сережка, тоже молодец: сразу догадался, что Электроник замечательный фокусник. Если случится, что они познакомятся, он так и представится: друг фокусника.

– Все понятно, – глубокомысленно вымолвил всезнающий мальчишка из первого ряда. – У него в рукаве электромагнит. Притягивает и отталкивает. Чудес на свете не бывает.

Бывают. Но рано или поздно они кончаются. И всем было очень жаль, что кольца внезапно исчезли. Кольца скатились все вместе, фокусник повернулся на мгновение к зрителям спиной – и вот уже ничего нет. Лишь конферансье заметил, что кольца разом подпрыгнули и оказались у фокусника на руке, словно браслеты.

А фокусник уже берет у кого-то из публики сигарету, прикуривает, благодарит и выдувает большой клуб дыма. Пушистое облачко летит к первому ряду.

– Он курит! – возмутилась какая-то женщина.

– Это понарошку, это фокус, – успокоил ее сосед.

Сережка смотрит с недоумением на сигарету в руке друга, но в это время из дыма в публику посыпались разноцветные платки. Красные, голубые, желтые, зеленые, белые… Все вскочили, захлопали, засмеялись, стали ловить платки. А Электроник пускал и пускал круглые белые облачка. Они, как маленькие ядра, летели во все ряды, сея дождь веселых парашютов, которые брались неизвестно откуда.

Но вот шум стих, зрители уселись на места. Фокусник поклонился и хрипло сказал:

– Предметы! Давайте мне предметы.

Вскочил паренек и мигом собрал в шляпу часы, авторучки, расчески, кошельки. Зал затих. Шляпу с предметами вручили фокуснику.

– Ап! – крикнул фокусник и на глазах у всех проглотил ручные часы с желтым ремешком. – Ап!.. Ап!.. Ап!..

И за желтым ремешком последовали другие предметы из шляпы. Часы фокусник глотал легко и непринужденно, словно вишни или сливы. Он втягивал в себя с присвистом длинные авторучки, расчески и, не раздумывая, отправлял в рот кошельки. Только и слышалось:

– Ап!.. Ап!.. Ап!..

Зрители замерли. Стояла напряженная тишина.

– Всё, – спокойно сказал фокусник и поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Зрители ждали продолжения. А фокусник пошел к кулисам.

– Эй, дружище! – крикнули из рядов. – А часы-то не забудь отдать!

И тут все вскочили. Фокусник спрыгнул со сцены, подбежал к забору и, сделав гигантский прыжок, перемахнул через него. Зрители бросились за ним. Они, конечно, не знали, что фокусник бежит не по своей воле: его, как и утром, неожиданно погнало вперед сильное напряжение электрического тока, включенного рассеянным профессором. Зрители ничего не знали о фокуснике, они бежали за своими вещами. Но догнать мальчишку не могли.

Конферансье растерянно оглядывался. Друг фокусника в маске медведя тоже исчез. На стуле лежала лишь забытая картонная звезда.

– Я говорил, что жулик! – восхищенно кричал мальчишка из первого рада. – Знаем мы этих фокусников! Не догнали? Ха-ха!

А голубая девочка спокойно стояла среди суматохи и разглядывала прозрачный платок. На нем была забавная мордочка со вздернутым носом и непонятное слово: «Электроник».

Всё об Электронике

Александр Сергеевич Светловидов, ученый кибернетик, сидел в гостинице и ждал профессора. Из путаных объяснений директора и горничной он не мог представить, что произошло здесь за те полчаса, пока он ехал от института до «Дубков». Чемодан, который с трудом принесли четыре человека, стоял пустой. Куда девалось содержимое?

Светловидов вспомнил, что профессор в разговоре упоминал про сюрприз. Но что это за сюрприз, который исчезает из комнаты на втором этаже, миновав дверь?

Гость несколько раз выходил на улицу, прогуливался у подъезда. Наконец поднялся в номер, уселся в кресло, решил ждать здесь. Иногда он вскакивал, подходил к зеркалу, придирчиво осматривал узел на галстуке и не упускал случая покритиковать себя.

«Ну кто скажет, глядя на это молодое лицо и румяные щеки, – иронизировал над собой Светловидов, – что перед ним без пяти минут доктор наук! Нет, товарищ Светловидов, ни парадный костюм, ни строгий пробор, ни даже эти маленькие усы не придают вам солидной внешности. Предположим, что Гель Иванович Громов увлечен своими мыслями и меньше всего обращает внимание на возраст собеседника. Но он ведь может легко установить, как мало оригинальных идей рождается в этой голове… Если бы коэффициент ее полезного действия был равен хоть одной сотой профессорского!.. Однако это уже зависть. Хватит философствовать! – остановил себя критик. – Сядем и постараемся вычислить, учитывая все обстоятельства происшествия, когда вернется профессор».

Светловидов любил профессора Громова. От него всегда уходишь с запасом лучших чувств и мыслей. И долго потом вспоминаешь добродушный, по-детски азартный смех, грустно-веселый взгляд и забавные клубы дыма, вылетавшие из длинной профессорской трубки.

Кибернетики и физиологи иногда спорили из-за Громова. И те и другие считали профессора специалистом в своей области. Но эти маленькие разногласия были несущественны. Громов охотно отдавал себя обеим наукам, которые, кстати говоря, тесно сотрудничали. Статьи и выступления профессора о головном мозге проясняли некоторые загадки человеческого мышления; физиологи и врачи-психиатры с интересом обсуждали и проверяли его гипотезы. А кибернетики воплощали его идеи в оригинальных схемах электронных машин.

Все знали, что сам Гель Иванович увлекается на досуге игрушками-автоматами: он собрал говорящего попугая, поющую собачью голову, обезьяну, показывающую фокусы. Одни считали их просто забавными, другие говорили, что в игрушках заложены интереснейшие схемы слуха, двигательных центров, речи будущих кибернетических автоматов, которые еще удивят человечество. А человечество пока ничего не знало про гениальные игрушки, которые были заперты в профессорской лаборатории.

Светловидов вспомнил, как лет десять назад он, тогда еще молодой инженер, приехал в город сибирских ученых – Синегорск и, выполняя обычное командировочное задание, несколько дней мечтал встретиться со знаменитым Громовым. Наконец он позвонил ему и напросился в гости. От гостиницы до Вычислительного центра Светловидов шел пешком. Моросил мелкий, скучный дождь, на улицах не было ни души. И вот недалеко от корпусов центра Александр Сергеевич увидел странного прохожего. В расстегнутом плаще, без шляпы, не обращая внимания на дождь, шагал он вокруг фонаря и что-то быстро записывал на клочке бумаги. Светловидов узнал Громова.

– Вы прибыли в самый нужный момент, – сказал профессор, беря под руку инженера. – Идемте!

– Но вы же простудитесь, Гель Иванович! – воскликнул Светловидов. – Идет дождь, а вы без головного убора.

– Ничего не случится, – мягко улыбнулся Громов. – Я вышел встречать вас и увлекся одной мыслью. А когда голова горячая, ей не страшна никакая сырость.

Они пришли в небольшую комнату, уставленную приборами, и сразу же взялись за дело. Собственно, опыт напоминал увлекательную игру. В соседнем зале, как разъяснил профессор, находились два объекта – Икс и Игрек. Один из них был старый помощник Громова по фамилии Пумпонов. Другой объект – электронно-счетная машина.

Профессор усадил Светловидова за стол с двумя телеграфными аппаратами. Над ними висели листочки с буквами «X» и «Y»: каждый из двух невидимых Светловидову игроков пользовался своим аппаратом. Правила игры были очень простые: гость мог задавать Иксу и Игреку любые вопросы и в течение получаса отгадывать, кто из отвечающих – машина и кто – человек.

Светловидов и сейчас помнит свои вопросы и ответы Икса и Игрека.

Сначала он спросил, кому сколько лет.

Икс протелеграфировал:

– Восемьсот.

Ответ Игрека содержал меньше вымысла:

– Пятьдесят.

Затем Александр Сергеевич задал еще два разведывательных вопроса:

– Как давно знаете вы профессора? Как вы к нему относитесь?

Икс отстучал на телеграфной ленте:

– Триста пятьдесят лет. Побаиваюсь.

Игрек отвечал иначе:

– Всю жизнь. Обожаю.

Садясь к телеграфным ключам, Светловидов довольно легко представил себе тактику невидимых игроков. Человек не может прикинуться машиной, его сразу же выдаст медлительность счета. Следовательно, машина в своих ответах должна хитрить, обманывать, прикидываться человеком. А человеку (Пумпонову) ничего не оставалось, как говорить только правду. Как выяснилось потом, эта логическая система оказалась правильной. И все-таки Икс и Игрек сбили Светловидова с толку.

После первых ответов он подумал: «Иксу восемьсот лет. Фантазия. Наверное, это машина».

Но торопиться с ответом Светловидов не хотел. Он решил проверить их в счете. Он задал Иксу простую задачу:

– Прибавьте 928 714 к 47 218.

Икс подумал тридцать секунд и суммировал:

– 975 932.

Светловидов – Игреку:

– Сложите 723 022 и 252 910.

Через полминуты заработал телеграфный аппарат Игрека:

– 975 932.

«Эге, – сказал себе инженер, – и тот и другой думали полминуты. Кто-то хитрит!»

И он обрушился с серией вопросов на Игрека:

– Прочтите начало первой главы «Евгения Онегина» Пушкина.

– «Мой дядя самых честных правил…» – немедленно откликнулся Игрек.

– Не думаете ли вы, – спросил Светловидов, – что звучало бы точнее так: «Мой дядя самых честных качеств»?

– Это нарушило бы рифму, испортило стих, – весьма логично заметил Игрек.

– А если сказать так: «Мой дядя самых скверных правил»? Как вы помните, Онегин не идеализировал своего дядю. И рифма в этом случае в порядке.

Ответ Игрека был убийственный:

– Зачем обижать дядю? Надеюсь, вы это не серьезно?

Вытерев пот со лба, Александр Сергеевич взялся за Икса. Он так и не решил, кто такой Игрек. Могла ли машина быть столь остроумным собеседником? Конечно, могла, раз ее обучал профессор. Что касается помощника Пумпонова, то с его характером и настроем ума Светловидов не был еще знаком.

Итак, очередь за Иксом. Удастся ли разгадать, кто он?

– Вы играете в шахматы? – спросил инженер.

Икс ответил коротко:

– Да.

Светловидов предложил ему решить этюд:

– У меня только король на e8, других фигур нет. У вас – король на e6 и ладья на h1. Как вы сыграете?

Икс после тридцати секунд молчания отстукал на ленте решение:

– Лh8. Вам мат.

Кажется, гость проигрывал игру… Прошло уже двадцать пять минут. Гель Иванович дымил трубкой и лукаво поглядывал на коллегу.

«Какой же задать вопрос?» – мучительно думал Светловидов.

Он спросил самое простое:

– Что вы любите больше всего?

Ответы были простодушны и откровенны.

Икс:

– Кинофильмы.

Игрек:

– Люблю конфеты.

«Кто же хитрит? – возмутился Светловидов. – Смотрит ли машина кино? Нет. А как насчет конфет? Неужели я поглупел? И все же – спокойствие. Надо разобраться детальнее».

– Какие картины вы видели за последнее время? – спросил он у Икса.

– Заграничные. «Смерть за два гроша», «Наказание», «Источник силы».

Названия были незнакомы Светловидову. Он попросил уточнить:

– Перескажите сюжет первой картины.

Икс начал рассказ:

– Девушка и рабочий парень влюблены друг в друга. Но на их жизненном пути встречаются бандиты. Один из них, по кличке Каро, еще похож на человека, а остальные просто мерзавцы. Они хотят вовлечь парня в свои дела, и тут гремят выстрелы. Один. Другой. Третий…

Я насчитал двести семнадцать выстрелов…

Настолько увлекательным показался Светловидову этот рассказ, что он прервал Икса на полуслове, протелеграфировав:

– Довольно!

Откинулся на спинку стула, устало сказал:

– Это человек.

– Вот вы и угадали! – искренне обрадовался Громов. – А ваши первоначальные мысли, как я заметил, были абсолютно точными: машина лгала, а человек говорил правду. Но сейчас я познакомлю вас с моим помощником, и вы поймете, почему он все-таки водил вас за нос.

Светловидов вспоминает сгорбленного живого старика. На его лице очень много морщин, они то и дело сбегаются в хитрую улыбку, и тогда глаза кажутся маленькими зелеными точками. Пумпонов в игре не хитрил и на все вопросы отвечал весьма простодушно и точно, выступая под псевдонимом Икс. Он был очень стар и чистосердечно уверял всех, что живет на свете восемьсот лет и из них вот уже триста пятьдесят лет помогает профессору. «Что поде-

лаешь, – сказал он, – именно столько я насчитал. Уж вы извините старика за доставленную неприятность». Он отлично играл в шахматы и превыше всего любил кинофильмы. Эта страсть его и выдала.

Что касается электронной машины – коварного Игрека, – то она в самом деле хитрила, даже медлила с ответом в счете, стараясь сбить с толку вопрошающего.

А больше всех был доволен опытом профессор. Он заразительно смеялся, вспоминая забавные ответы Икса и Игрека, и изображал в лицах всех трех игроков. В самом деле, ему ловко удалось запрограммировать хитрость машины!

Тот вечер был особенным. Они пили крепкий чай в кабинете Геля Ивановича, и профессор вспоминал молодые годы, когда он был влюблен в море, поступил матросом на торговое судно и совершил кругосветное плавание. Гость рассказывал веселые студенческие истории. А Пумпонов после чая повел гостя в мастерскую и заказал в его честь несколько песенок собачьей голове. Она пропела их, старательно открывая пасть и вращая блестящими стеклянными глазами, и этот маленький концерт был очень трогательным – ведь всякий раз электронный мозг сочинял новую песенку.

Потом старик пустил по полу игрушки. Черепахи, два лиса – черный и красный – кружились по комнате и слушались хозяина, словно они были живые и выступали перед публикой в зоопарке. Только длинный провод, соединявший их с электросетью, напоминал о том, что это механизмы.

С одним из этих лисов, красным, немного похожим на таксу и более резвым, чем его темный собрат, была связана одна весьма печальная история.

Однажды Пумпонов пришел в мастерскую и стал тренировать лиса. Он командовал в микрофон и так увлекся сообразительностью механизма, что не заметил, как его ноги опутал провод. Пумпонов хотел остановить лиса, но, к своему несчастью, забыл нужную команду. Он кричал лису: «Хватит! Довольно! Не балуй! Стой!..» Лис не обращал на крики никакого внимания, продолжая бегать вокруг человека, и так крепко затянул провод, что бедняга не мог шевельнуться. Крикни Пумпонов самое простое слово «Стоп!» – и лис встал бы как вкопанный: он слушался только этой команды, а других, даже слова «стой», просто не знал. Старик слабеющим голосом просил, умолял лиса остановиться и с тоской смотрел на розетку, в которую была включена игрушка. Но, увы, дотянуться до нее не мог…

Когда Громов заглянул в мастерскую, он нашел своего помощника лежащим на полу без сознания, крепко обмотанного проводом. Профессор сказал нужное слово – лис тотчас затих. Громов с трудом привел старика в чувство, и тот, открыв глаза, пожаловался: «Как мало он еще понимает… Я работаю у вас триста пятьдесят лет и не видел еще такого глупого лиса». На что Гель Иванович ответил: «Советую впредь быть осторожнее. Вы можете таким образом или что-нибудь изобрести, или погибнуть».

…Светловидов так углубился в воспоминания, что не заметил, как в комнату вошел профессор. Знакомый голос поднял гостя с кресла.

– Извините, – сказал Громов, – я вас заставил ждать.

– Наконец-то! – обрадовался Светловидов. – Вас я готов ждать хоть всю жизнь. Но что случилось?

Как родился Электроник

– Сюрприза не будет, – извиняющимся тоном произнес Громов. – Сюрприз, Александр Сергеевич, просто сбежал.

– Как – сбежал? – удивился Светловидов.

– А вот так. Прыгнул в окно – и был таков.

Только теперь Светловидов обратил внимание на вид профессора: галстук съехал набок, рукав в известке.

– Ну, не будем так огорчаться, – бодро сказал Светловидов. – Для начала почистимся и умоемся.

Профессор с удовольствием отдал ему пиджак, галстук и достал из дорожного чемодана куртку.

– Сразу как дома! – сказал он, надевая куртку.

Светловидову не терпелось узнать, кто же в конце концов прыгнул в окно. Но не стоило подливать масла в огонь: Громов и так был расстроен.

– Не хотите ли позавтракать? – предложил Светловидов.

– Пока я гнался за этим сюрпризом, – крикнул Громов из ванной, – я очень проголодался и зашел в кафе! Между прочим, там работает поваром бывший корабельный кок. Еще раз приношу глубокие извинения, что заставил вас ждать, но мы с коком вспоминали каждый свои плавания… А теперь, – продолжал профессор, вернувшись в гостиную, – могу вам открыть этот небольшой секрет.

И он рассказал, что произошло утром. Светловидов, слушая Громова, смеялся и хмурился, качал головой и взволнованно ходил по комнате – верил и не верил. Электроник – кибернетический и в то же время совсем как живой мальчик; это действительно сюрприз конгрессу кибернетиков. Чутьем ученого гость понимал, сколько труда, новых идей вложено в необычное создание, и с нетерпением ждал разъяснений. Но сначала надо было что-то предпринять.

– Я позвоню в милицию, – предложил он, – попрошу найти его.

– Но как вы объясните ситуацию? Мне не хотелось бы разглашать секрет до открытия конгресса, – сказал Громов. – О, эта чудовищная моя рассеянность! Я совсем забыл о разнице напряжений в электросети. И вот печальные последствия… Как вы догадываетесь, мышцы Электроника получили усиленный сигнал биотоков и погнали его с огромной скоростью. А если он столкнулся с кем-нибудь или подрался? Он же свернет нормальному человеку шею!

– Будем надеяться на хорошее воспитание, – шутливо заметил Светловидов.

Он вызвал по видеотелефону дежурного милиции и, назвав себя, попросил срочно разыскать в городе мальчика тринадцати лет по имени Электроник. Ученый описал его приметы, в том числе и способность быстро бегать, и договорился, что, как только будут какие-то сведения, ему немедленно позвонят. Распространяться о других особенностях Электроника он не стал.

– Простите мое любопытство, – сказал он, обернувшись к Громову, – но мне не терпится услышать историю с самого начала. Время у нас есть.

– А вы разрешите мне дымить? Иначе я не умею рассказывать.

Профессор долго раскуривал трубку. Глаза его казались грустными. Но вот в них разгорелся лукавый огонек. Громов взъерошил пышную седую шевелюру и задымил с явным удовольствием.

– Так вот, – сказал он, – есть у меня давнишний приятель Николай, очень хороший хирург. Почему я с него начал, вы сейчас поймете. Все наши встречи проходят в бесконечных спорах. Представьте, коллега, что вам пришлось говорить с человеком, который считает свой разум чуть ли не совершенством природы… Вы улыбаетесь. В самом деле, вопрос почти не для

спора. Но надо было видеть напыщенность моего приятеля, когда он начинал разглагольствовать о сложности человеческого организма, совершенстве мозга и прочем, прочем. Я сначала тоже улыбался, потом сердился, наконец, напоминал о том, что человек живет в определенных условиях и обычно использует лишь малую часть мощности своей памяти. В самом деле, иной школьник или студент с великим трудом переваривает некоторые предметы. А ведь школьная или институтская программы – это лишь крохи того, что мог бы усвоить обычный человек. Если бы он пускал в ход хотя бы половину резервов мозга, он играючи выучил бы сорок языков, окончил бы десяток университетов и легко бы запомнил всю Большую советскую энциклопедию.

Николай упорствовал. Он выставлял такой аргумент:

«И все-таки, что бы вы ни говорили об ограничениях разума, гений может все».

«Но он расплачивается за гениальность тяжелым трудом, – напоминал я. – Гений ломает рамки, поставленные человеку природой. Он обрабатывает большое количество информации. Вспомните: когда у Эйнштейна спрашивали, сколько часов длится его рабочий день, он принимал это за шутку. Рабочий день ученого не имеет ни конца, ни начала. А сейчас, когда на ученых нахлынула буквально лавина накопленных знаний и новых открытий, их положение стало особенно трудным. Объем и сложность задач, которые ставит перед наукой производство, год от года увеличиваются. Я знаю случай, когда один математик потратил тридцать лет напряженного труда, чтобы решить только одну проблему. А сколько интересных вопросов остается пока в стороне, потому что на их разрешение не хватит всей человеческой жизни! Так что человек давно осознал свое несовершенство и направил силу на создание устройств, которые облегчат переработку и усвоение информации».

Здесь Николай полагал, что он имеет право на иронию. Он спрашивал, заранее зная ответ:

«Может быть, вы говорите о машинах?»

Я подтверждал:

«Конечно».

«Мне вас жаль, – говорил Николай. – Вы тратите месяцы труда, чтобы объяснить машине, как решить простую геометрическую задачу, или, как вы выражаетесь, запрограммировать эту задачу. Тогда как я, несведущий в математике человек, могу решить ее за полчаса. Простите, чему же может эта машина научить меня?»

Николай был прав: обучить машину всегда сложнее, чем человека. И я не скрывал от него трудностей. Я напоминал моему самовлюбленному приятелю, как он решает простую задачу. Он, конечно, полагает, что в эти самые полчаса он обрабатывает и отбирает определенное количество информации, то есть ищет путь решения задачи, опираясь на свои знания, на программу, заложенную в него в годы учения. Николай кивал головой:

«Да, именно так».

Но разве это все? Николай просто не осознавал, что, когда он берется за карандаш, за его плечами не только школьные уроки, заученные формулы и правила, а вся жизнь. В детстве он ползал, ходил, бегал, разбивал нос и колени и таким образом познакомился с пространством. В школе он мастерил приборы и модели, строгал, пилил, учил геометрию и узнал, что наша планета круглая. Наконец, он связан невидимыми нитями со всей Землей: миллиарды ощущений – физических, химических, магнитных, электрических – переплетены в нем в сложный клубок психической деятельности. Все это – неосознанная информация, которой располагает взрослый человек.

Такие, как Николай, никогда о ней не вспоминают, считая свои успехи само собой разумеющимися. А заложите вы в машину эту информацию да еще знания, и она проявит такую же мудрость, как и мой приятель, если не больше…

Профессор улыбнулся, разбив своего противника, и тут же оправдал его:

– Однако я зря накинулся на приятеля. Все эти споры были очень полезны, они оттеняли трудности моей задачи, вызывали необходимые сомнения. Я совсем не чувствовал себя всемогущим создателем. Я просто продумывал схемы, которые могли перерабатывать и хранить как можно больше информации…

Трубка Громова давно погасла, и он, высыпав пепел на блюдечко, стал заново набивать табак. На мгновение опустив веки, он словно представил свою необычную машину, которая должна была стать подобием маленького человека.

Паузу прервал Светловидов:

– Извините, Гель Иванович… Я совсем забыл: поймет ли Электроник милиционеров, когда его найдут?

Громов встрепенулся:

– Да-да… Он умеет слушать, говорить и все понимает… Он очень послушный мальчик. Во всяком случае, еще недавно был таким.

Профессор говорил об Электронике как о живом, и Светловидов смотрел на него с восхищением. «Вот тот ученый, – думал он, слушая собеседника, – который знает про все на свете. И даже о том, чего не видел ни один человек и, может быть, никто не увидит. Он легко ответит на любой вопрос, какой только придет в голову; мне кажется, он даже знает, что такое «минус пять яблок» – простая фраза в задачнике, которую никто не может наглядно представить. Но важно то, что он не только отвечает на вопросы, но и умеет их задавать. Этот «послушный» Электроник – каверзный вопрос для науки. Хорошо бы разыскать его и привезти на конгресс…»

А Громов рассказал о том, как появился на свет Электроник. Его родители не были так совершенны, как их будущее дитя. Внешне они выглядели перед ним просто безобразными чудовищами со своими шкафами-блоками, страшным треском и шумом, способностью пожирать массу электричества. Но эти родители – устаревшие обычные электронно-счетные машины – очень старались, проверяя и вычисляя сложные схемы, которые придумывал Громов. Две машины считали день и ночь, потому профессор и прозвал их в шутку родителями Электроника.

Правда, дело облегчалось тем, что некоторые механизмы и устройства были уже испробованы на автоматах-игрушках и на других электронных машинах: они читали текст, различали предметы, понимали человеческую речь, сами составляли предложения. И все-таки будущий человечек требовал фантастических усилий и особой изобретательности. Все, что знал профессор о нервной системе и о мозге человека, он пытался воплотить в своих схемах.

Разумеется, над Электроником работал не только профессор. Один он бы не справился. Помощники Громова, друзья, ученики, студенты – двенадцать человек были увлечены идеей создания искусственного существа и трудились над ним пять лет, отдавая ему все свободное время.

Через пять лет перед ними стояла довольно странная машина – единый кусок твердого тела, по форме напоминающий голову и туловище человека. О ее строении можно сказать просто: слоеный пирог. Машина была спрессована из пленок, на которых напечатаны, как на газетном листе, сложные электронные схемы. Эти пленки в тысячи раз тоньше человеческого волоса, а размерам деталей в схемах мог позавидовать любой часовщик. Электрические сигналы, пробегая по схемам, имели дело с такими мельчайшими деталями, как молекулы и атомы кристаллов. Поэтому в молекулярно-электронных, или молектронных (так они точно называются), схемах удивительная плотность монтажа: в каждом кубическом сантиметре миллионы деталей. Достаточно вспомнить, что самая совершенная в мире машина – живой человеческий мозг – имеет примерно такую же плотность нервных клеток.

Но это еще не все, чем отличался Электроник от своих родителей. В старых электронно-счетных машинах элементы соединены последовательно: как бы быстро машины ни работали, сигнал обегает одну за другой все ячейки памяти в поисках ответа на вопрос. Это

похоже на миллионную армию, где в бой вступают по очереди только два солдата, а остальные бездействуют в ожидании. У Электроника память сложена из кубиков, конечно, таких миниатюрных, что их можно разглядеть только в микроскоп. Как и нервные клетки человека, эти кубики соединены пучками связей. Поэтому у Электроника обработка информации и поиск ответа на заданный вопрос идут сразу в нескольких направлениях, на параллельных связях. Можно сказать, что армия его знаний всегда в бою.

– Мы были так рады, созерцая это электронное подобие человека, что мигом забыли про его чудовищную сложность, про годы кропотливого труда, – с улыбкой вспоминал профессор. – Мы стали называть его «милым черным ящиком» и искренне, как дети, удивлялись его совершенству. Я, помню, сам кружил вокруг будущего человечка и напевал слова Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, о чем не снилось даже нашим мудрецам…»

А потом за дело взялись два близких друга Громова – химик Логинов и кукольник Смехов. Логинов давно бился над синтетическими мышцами и, как известно, открыл секрет их сокращения. Он же изобрел материал, который очень похож на кожу человека. То, что сделал с машиной Логинов, казалось далеким от химии кибернетикам просто чудом. Так бывает в цирке: фокусник накрывает платком шар, сдергивает платок, и все видят цыпленка. Зрители ничего не понимают: только что был мертвый деревянный шар – и пожалуйста, живой писклявый цыпленок… Конструкторы Электроника называли Логинова «химическим богом»: ведь он подарил автомату живые ноги и живые руки.

– Живые ноги! – повторил профессор. – Вы бы видели, как быстро он бежал!.. Впрочем, ноги тут ни при чем… Мне просто не везет.

– Почему? – спросил Светловидов.

– Вы помните, Александр Сергеевич, того красного лиса, который однажды запутал Пумпонова?

– Как, – изумился Светловидов, – и он тоже сбежал?!

– Сбежал, – вздохнул Громов, – хоть он и на колесиках. Вот полюбопытствуйте.

Профессор достал из портфеля груду помятых телеграмм и бросил их на стол. И пока Светловидов читал их одну за другой, Громов ходил по комнате, пуская клубы дыма из своей длинной трубки, и отрывисто пояснял:

– Это случилось в вашем городе… Пумпонов приехал сюда с красным лисом и вернулся без него. Он ничего не мог толком объяснить. «Это очень хитрый зверь, – твердил старик на все мои вопросы, – хотя у него самые правдивые в мире глаза…» А я – тоже дырявая голова – не догадался про высокое напряжение… И вот – пожалуйста, эта игрушка ведет самостоятельный образ жизни…

Громов взял со стола первую попавшуюся телеграмму, прочитал вслух:

– «По поступившим в зоопарк сведениям, животное рыже-красной окраски, с длинным пушистым хвостом и мордой таксы, вероятнее всего – лисица, обнаружена в магазине «Металлоизделия». При открытии магазина лисица выбежала в дверь и скрылась во дворе дома № 9 по улице Скрябина, испугав детей детсада № 218. В дирекцию зоопарка поступила новая просьба поймать сбежавшего зверя».

Светловидов от души рассмеялся.

– Смейтесь, смейтесь над старым путаником, – махнул рукой Громов. – В конце концов я сам сбегу от себя… О, эти электронные схемы. Когда их собираешь все вместе, невозможно предусмотреть тысячи случайностей.

– Но неужели трудно поймать в городе зверя с длинным хвостом! – горячо сказал Светловидов. – Не обижайтесь, Гель Иванович, я просто восхищен вашим лисом. Чтоб вы не волновались, я готов работать ловцом в зоопарке.

– Как видите, зоопарк исправно снабжает меня информацией, а поймать не может. И неудивительно. Привычным командам лис не подчиняется, днем скрывается, а ночью… Обра-

тите внимание на телеграммы: сегодня он заряжается электроэнергией в «Металлоизделиях», завтра в «Малыше», а послезавтра в кафе «Уют». Пришлось бы выключать электросеть во всех торговых точках города. А это не в моих силах.

– Он оказался чересчур сообразительным.

– Точнее говоря, – поправил профессор, – вся его «хитрость» заключается в быстроте. Ведь он был создан как часть Электроника – для проверки и отработки движений.

– Большая честь поймать такого экзотического беглеца, – мечтательно сказал Светловидов. – А Электроник… Ведь его, как я понял, не отличишь от любого мальчишки?

– Да, это сотворил кукольник Смехов, – ответил профессор. – И потому хлопот с Электроником будет не меньше…

Кукольника Смехова знал весь театральный мир как первоклассного мастера. Его марионетки путешествуют по белу свету с театрами. Они признаются в любви, клянутся в верности, ревнуют, убивают, плачут, но играют одни и те же роли и никогда не проявляют самостоятельности. Можно представить радость мастера, когда он узнал, что будет делать живую куклу! Смехов очень волновался и всех спрашивал, каким должен быть мальчик. Ему надавали массу советов и в конце концов только сбили с толку. Однажды Смехову попалась на глаза журнальная фотография: мальчишка вылез из бассейна и от удовольствия счастливо смеется. Обаятельная улыбка, курносый нос, вихор на макушке – вообще весь облик этого случайного парнишки так понравился кукольнику, что он решил: таким будет его новое творение. Смехов натянул на машину кожу, как чулок на ногу, заперся в мастерской и не пускал туда никого, пока однажды не вынес настоящего мальчишку.

Оставалось придумать имя. Помощник Пумпонов на правах старшего сказал: «Должно быть в нем что-то современное и что-то старинное, древнегреческое». Думали, гадали, как вдруг кто-то сказал: «Электроник». Хорошая находка! И отдана дань уважения родителям Электроника, и по-древнегречески звучит красиво: электрон – это янтарь. Так и решили.

Как учился Электроник

Рассказ прервал мягкий гудок. Включился голубой экран на стене. Профессор и Светловидов бросились к видеотелефону. Они увидели дежурного милиции.

– Ваш Электроник натворил дел в парке культуры, – строго сказал дежурный, хотя глаза его были веселыми. – Показывал с эстрады фокусы и проглотил с десяток часов, кошельков, авторучек. Вот заявление некоторых потерпевших.

– Я так и знал, что эта выдумка Пумпонова к добру не приведет… – простонал профессор.

– Мальчик найден? – нетерпеливо спросил Светловидов.

– Мальчик исчез, перескочив через двухметровый забор. Вот вещественное доказательство, которое имеется у многих потерпевших. – Дежурный развернул во весь экран платок с веселой мордочкой и монограммой «Электроник». – Я дал указание всем постам, – продолжал дежурный, – задержать мальчика и немедленно направить его в больницу. Лично я, – добавил дежурный, – не совсем понимаю, как можно проглотить такое количество предметов.

– Прошу немедленно вызвать нас, когда поступят сведения, – сказал Светловидов. – Спасибо.

Профессор ходил по комнате, сцепив руки за спиной.

– Что такое? – бормотал он, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Легкомысленность этого Пумпонова всегда ставит меня в глупейшее положение. Вместо серьезной работы получается клоунада, фарс!

Светловидов неожиданно развеселился. Интересно бы сейчас увидеть Электроника, посмотреть на его фокусы.

– Какие, однако, способности у вашего мальчика! – шутливо сказал он. – Пожалуй, вместе с красным лисом они могли бы выступать в цирке.

– Ну, знаете ли… – загорячился Громов. – Вы еще не выслушали и половины, а уже делаете выводы!

– Не волнуйтесь, – засмеялся Светловидов. – Я не сомневаюсь, что все эти проглоченные вещи можно вернуть потерпевшим.

– Конечно, конечно… Там есть такой маленький ящичек, он легко открывается. Все будет возвращено владельцам.

– Я думаю, его скоро найдут, – сказал Александр Сергеевич. – Эта забавная история еще больше подогрела мое любопытство. Прошу вас, добрый Гель Иванович, возьмите свою трубку и продолжайте. Если бы я не слышал эту историю от вас, я бы счел все за шутку.

– Чтобы не выглядеть и в ваших глазах шарлатаном, – улыбнулся профессор, – придется закончить историю.

Он сел в кресло напротив Светловидова, запахнул домашнюю куртку, раскурил трубку. Светловидов опять заметил лукавый огонек в его глазах, вспыхнувший почти одновременно со спичкой, и решил, что профессор обрел свое обычное шутливое настроение.

– Прежде всего, – продолжал Громов, – мы обнаружили, что наш Электроник круглый дурак. Да, да, он ровным счетом ничего не знал. Мы заранее проверили читающее устройство и выяснили, что оно сможет узнавать разные образы. Пумпонов тренировал прибор, различающий звуки человеческой речи: он пищал, свистел, говорил басом, лепетал, как ребенок, прикидывался женщиной и в конце концов научил прибор реагировать на разные голоса. Память Электроника была способна классифицировать слова слышимой речи и со временем должна была составлять самостоятельные суждения. Короче говоря, в нем были предусмотрены все механизмы, которые могли вести отбор и усвоение полезной информации. Но пока что он ничего не знал…

– Впрочем, я слишком придирчив, – поправил себя Громов. – Память любого ребенка подобна ученической тетради: чистая бумага, на которой надо записать полезные сведения. Если вспомнить, что маленький человек задает в день почти пятьсот вопросов родителям, станет ясно, как он заполняет эту чистую бумагу… Мы поблагодарили природу за ее изобретение и с легкой душой заимствовали простой метод приобретения знаний. Нет, честно говоря, на душе у нас было не так легко: на нас обрушилась лавина работы. В обыденной жизни мы просто не задумывались, какое множество вещей и понятий окружает нас. А ведь все их надо было показать и растолковать Электронику…

Светловидов знал, какая это трудная задача – научить машину самостоятельно мыслить, составлять себе программу действий. Слушая профессора, он живо представил всю картину школьной жизни Электроника. Урок первый: как узнавать и отличать друг от друга разные образы? Что такое буква «А»? Это целый маленький мир. Как объяснить машине, что буква «А» – соединенные вверху две палки с перекладиной посредине; и кружок с палкой справа – тоже буква «А»? И вот каждая буква пишется разными почерками сто раз. Потом ученый показывает Электронику двадцать букв и объясняет: «Это «А». Остальные восемьдесят он сам должен назвать.

Как и любой ученик, Электроник получал двойки. Никто его, конечно, не ругал за плохие ответы. Но всякий раз, когда ученик ошибался, профессор нажимал кнопку, и внутри Электроника – в одной из схем машины – ослаблялась та связь, которая передала неправильную информацию. В другой раз сигнал бежал по верному пути, и Электроник уже не ошибался. Он был очень старательным учеником.

После алфавита и цифр – картинки. Мужские, детские, женские лица, животные, автомобили, домашняя обстановка, школьные принадлежности… Тысячи и тысячи понятий запоминал ученик. Это не значит, что в его памяти укладывался точный, почти фотографический образ какого-то определенного дома или автомобиля. Если бы это было так, Электроник не узнал бы никакого другого дома, никакого другого автомобиля. Он запоминал какие-то общие, важнейшие черты разных образов и мог уже отличить ребенка от мужчины. Примерно так действует и память людей. Мы никогда не запоминаем фотографически точно, во всех деталях даже близкого друга – наш мозг не перегружает себя. Но зато не спутаем его ни с кем другим, а после долгой разлуки обязательно узнаем…

– Я не утомил вас, Александр Сергеевич? – спросил профессор.

– Наоборот, я боюсь, что из милиции позвонят слишком быстро и вы не закончите рассказ.

– Ну, насколько я их понял, сильный заряд в аккумуляторах еще не кончился. Еще придется за ним побегать. А я тем временем перейду к третьему уроку Электроника – чтению. Вы, очевидно, представляете, сколько скрывается за одним этим словом: чтение фраз, классификация слов в группы, постоянное уточнение границ этих групп, выяснение разных значений одного и того же слова, штудирование словарей, проникновение в смысл фраз, законченных мыслей, абзацев. Методы осмысления текста, которыми пользовался Электроник, удивили бы лингвистов, но факт остается фактом: он с огромной скоростью читал книги одну за другой. Я только успевал их подбирать.

Справедливость позволяет мне сказать, что Электроник оказался весьма сообразительным. Очень скоро мне пришлось отказаться от наказаний и перейти к простому разъяснению ошибок. Правда, это требовало большего терпения, чем простое нажатие кнопки. Но успехи Электроника вдохновили бы любого учителя. Он охотно углублялся в теоремы, молниеносно вел подсчеты и даже сравнительно легко учил наизусть стихотворения. Мы уже беседовали на разные темы, при этом Электроник высказывал двоякого рода суждения: одни он заимствовал у авторитетных лиц, другие – составил сам.

И вот первые шаги по комнате. Мы подготовили Электроника к этому событию, записав на пленку биотоки с мышц человека и заложив их в его память. Как известно, электрические сигналы, которые командуют мышцами одного человека, можно передать мышцам другого, и он будет делать то же самое. Так и с Электроником. Чужие биотоки навязывали мышцам мальчика нужные движения.

И снова начались дни мучений: Электроник учился ходить и натыкался на все предметы. Он чуть не угробил себя, пока не привык к пространству.

Электроник уже научился ходить, а я все медлил, боялся выводить его на улицу…

Рассказчик вскочил с кресла: гудел видеотелефон. На экране – то же лицо.

Голос милиционера по-прежнему спокойный, глаза – с хитринкой.

– Есть новые сведения, – говорит он. – На Липовой аллее во время соревнований мальчик в синей курточке обогнал всех спортсменов. Приметы совпадают. Однако, когда его встретили позднее, он назвал себя не Электроником, а Сергеем Сыроежкиным.

– Он бежал очень быстро? – спросил профессор.

– Говорят, что он мог бы установить мировой рекорд. Это случилось до происшествия в парке.

– Тогда это он! – уверенно сказал Громов.

– Но Сергей Сыроежкин, тринадцати лет, действительно живет на Липовой аллее, дом пять, квартира сто двадцать шесть, – возразил дежурный.

– Хм, хм… – смущенно кашлянул Громов. – Странная игра фантазии… Не понимаю, зачем он это придумал…

– А Сыроежкина вы задержали? – вмешался Светловидов.

– Нет.

– Задержите мальчика с нашими приметами, – твердо сказал Александр Сергеевич, – кем бы он себя ни называл. Мы ждем.

Они вернулись на свои места, некоторое время молчали.

Наконец Гель Иванович, пожав плечами, сказал:

– Я ничего не понимаю. Доскажу вам об Электронике то, что знаю… Почему я медлил выводить его на улицу, вполне понятно. До сих пор Электроник был комнатным мальчиком. На него должен был обрушиться мир, состоящий из движения и моря звуков. Кроме наших голосов, он ничего не знал – ни лая собаки, ни гудков машин, ни стука мяча.

Но Электроник проявлял любознательность к новому миру, и нам пришлось учить его заново. Те же самые дома, автомобили, животные, которых он видел на рисунках, из плоских обратились в объемные. Мальчик видел цветы, траву, деревья, и я стремился дать ему представление о непрерывности процессов на Земле. Он замечал, как похожи и не похожи друг на друга дома, улицы, скверы, как день ото дня меняется или повторяется погода. Словом, я хотел, чтобы он, как и все мы, люди, привык к характерным условиям жизни и разнообразию мира… Не мне судить, как это удалось. Я считал, что он вежливый, спокойный, правдивый, и не ожидал от него таких трюков. Потом еще это странное имя – Сергей Сыроежкин. Не представляю, зачем он им назвался…

И опять требовательно просигналил аппарат. Дежурный милиции был краток:

– Приезжайте. Нашли.

– Кого? – спросил профессор. – Мальчика или лиса? – От волнения он совсем забыл, что милиция ничего не знает о сбежавшем лисе.

– Какого лиса? – удивился дежурный. – Вы же просили мальчика…

Рентген ничего не показал

Светловидов вызвал такси. Через пять минут они уже ехали в отделение милиции. Профессор был сосредоточен, молчалив. Светловидов улыбался, рисуя себе встречу с Электроником, которая сейчас произойдет.

– Удивительную вы все-таки историю рассказали! – прервал молчание Светловидов. – Когда-то изобретатель или инженер придумывал машину; на заводе ее запускали в производство, и эти машины работали где угодно. Потом появились вычислительные машины. Они не могли трудиться сразу же после сборки. Программист должен был дать им программу действий. А теперь и этого мало. Для таких сложнейших систем, как ваш Электроник, нужен еще и талантливый педагог!

– И вот вам результат воспитания: мы едем в милицию, – проворчал Громов. – Хотел бы я еще знать: если я случайно встречу этого негодного лиса, послушается ли он меня, остановится ли?

В отделении было пустынно и тихо. За столом сидел один дежурный – симпатичный молодой милиционер. Он встал, откозырял, сказал, пожимая руку Громова:

– Рад с вами познакомиться, профессор. Извините, что мы так долго выполняли ваше поручение. Мальчишка действительно бегает, как заяц. Электроник-Сыроежкин сейчас в поликлинике, это через дорогу. Проходит рентген.

– Рентген? – Брови Громова поползли вверх. – Ах да, проглоченные предметы… Но в данном случае рентген бесполезен. Он только озадачит врача.

Дежурный был явно смущен ответом.

– Я беспокоился о его здоровье, – пробормотал он.

Они пересекли улицу, вошли в поликлинику. Милиционер нажал кнопку у двери рентгеновского кабинета. Тотчас же вышел врач.

– Рентген ничего не показал, – развел он руками.

– Как – не показал? – спросили трое хором.

– Никаких посторонних предметов в желудке нет, – пояснил врач. – А так… сердце в норме, легкие прозрачные. Здоровый мальчик.

– Где он? – не выдержал профессор.

– Сейчас… Сережа! – позвал врач.

Дверь кабинета скрипнула. В щель просунулся любопытный нос. И вот из темноты появился мальчишка.

Профессор шагнул навстречу и остановился. Внимательно посмотрел на мальчика. Громко сказал:

– Поразительно! Фантастика!

– Здравствуй, Электроник! – улыбнулся Светловидов и протянул руку.

– Я Сыроежкин, – сказал мальчик, пряча руки за спину.

– Это не он? – удивился Александр Сергеевич, глядя вопросительно на Громова.

Профессор сделал неопределенный жест рукой. Глаза его были устремлены на Сыроежкина, излучая мягкий свет.

Сережка улыбнулся.

– Значит, это не он? – сказал дежурный. – Та-ак… Но ведь свидетели уверяют, что именно этот мальчик проглотил часы. Скажи честно, – обратился он к Сыроежкину, – ты показывал фокусы в парке?

– Ничего я не показывал, – буркнул Сергей.

– И не ты бежал в кроссе?

– Ничего я не бежал. Все это болельщики напутали.

– И ты не знаешь, – прищурился милиционер, – кто такой Электроник?

– Ничего я не знаю! – закричал с отчаянием Сережка.

Если бы профессор умел читать мысли! Он сразу бы узнал все: как Сережка нашел настоящего друга, как он был рад и счастлив всего только час тому назад и как боится так сразу, внезапно потерять его. Нет, он никому его не отдаст! Не скажет о том, что Электроник сидит у него в комнате, в шкафу, ни слова, что бы с ним ни делали эти трое.

– Ничего я не знаю, – мрачно повторил Сыроежкин.

Нет, замечательный ученый не умел читать чужие мысли. Он сказал милиционеру:

– Отпустите мальчика, это недоразумение. Вы слышали, что рентген ничего не показал!

И Сережка ушел. А четверо взрослых остались в приемной поликлиники.

– Такой казус, – сокрушался дежурный. – Вы бы хоть, профессор, дали фотографию своего Электроника.

– Фотографии у меня нет, – сказал Громов. – Да вы ее только что видели: вот она – фотография – ушла на двух ногах, Сережка Сыроежкин. Симпатичное имя!

Тайна: «Ты – это я»

– Электроник! – шепотом говорит Сережка, открыв дверцу шкафа. – Всё в порядке. Сверток я отдал в бюро находок. Сунул в окошко и удрал. Разворачивают они сверток и видят: нашлись и кошельки, и часы, и авторучки.

И никакого скандала.

– Я не хотел скандала, – хрипло сказал Электроник. – Они сами давали вещи.

– Тише! Все спят! – предупреждает Сережка.

Ночь. Со всего неба смотрят в окно звезды.

Луна спряталась за дом.

У школы горит фонарь.

– Ты хочешь спать?

– Я никогда не сплю.

– А что ты будешь делать?

– Я буду читать. Давай мне книги.

– Какие хочешь? Приключения? Про смешное?

– Давай всякие, – говорит Электроник. – И стихи давай. Стихи читать полезно. В каждой букве стихов полтора бита.

– Каких таких бита? – удивляется Сережка.

– Бит – единица информации. В разговорной речи одна буква – это один бит. В стихах – полтора бита. Но это условное название. Можешь называть их как хочешь, хоть догами.

– Вот тебе целый миллион догов, – говорит Сережка, доставая с полки книги. – Сейчас я зажгу тебе лампу. А аккумуляторы тебе надо заряжать?

– Я пришел к выводу, что утром было очень сильное напряжение тока, поэтому я так быстро бежал.

– А какое у тебя напряжение?

– Сто десять вольт.

– Ну, дело пустяковое. Сейчас я возьму трансформатор от холодильника, и будет как раз сто десять вольт.

Сережка тихонько принес из коридора трансформатор и табуретку, взял со стола лампу и устроил друга в шкафу. Разделся, скользнул под одеяло, стал смотреть на светлую щель, разрезавшую шкаф сверху донизу. Он лежал, смотрел на золотую полоску, и ему очень хотелось встать, заглянуть в шкаф и еще раз убедиться, не сон ли все это. Но он слышал тихий шелест страниц, комариное гудение трансформатора, видел два белых провода, змеившихся из шкафа к розеткам, и улыбался в темноте… Как вдруг закружилась перед его глазами огненная карусель, подпрыгнули голубые шарики, заискрилась золотом лучистая звезда… И Сережка уснул.

…Он вскочил, услышав щелчок замка, – это ушли родители. Распахнул дверцу шкафа и радостно засмеялся: Электроник дочитывал толстый том.

– Доброе утро! – сказал Сережка. – Есть миллион догов?

Электроник поднял голову:

– Доброе утро. Пятьсот тысяч сто шестьдесят битов.

– Ну и поумнел ты! – уважительно сказал Сережка. – Сейчас я умоюсь, и мы будем смотреть коллекции.

На столе в кухне лежала записка: «Сережа! Холодильник сломался. Продукты на окне. Обедай в столовой. Мы придем вовремя. Мама, папа».

– Холодильник заработал, – пропел Сережка, ставя на место трансформатор. – А обедать не хочу!

Он вытащил из стола и шкафа свои ценности, уселся прямо на пол рядом с Электроником. Они рассматривали и обсуждали космические марки разных стран, перебрали коллекцию значков, сыграли в лото и в «Путешествие по Марсу», смотрели картинки в старых журналах, разгадывали головоломки. Сережка то и дело хохотал, хлопал друга по плечу. Электроник выигрывал во всем, а головоломки он распутывал, едва к ним притронувшись.

– Хочешь, я тебе все подарю? – предложил Сыроежкин.

– Зачем? – спокойно возразил Электроник. – Я больше ничего не хочу глотать.

– Ну, тогда это будет нашим. Твое и мое. Да?.. Ой! – Сергей вскочил, взглянул на часы. – Двадцать минут до урока! – Он схватил учебник, лихорадочно забормотал: – Квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Квадрат гипотенузы… квадрат катетов…

– Это теорема Пифагора, – сказал Электроник. – Она очень простая.

– Простая-то простая, а у меня в журнале вопрос. И я не учил.

Электроник взял бумагу и карандаш и мгновенно нарисовал чертеж.

– Вот доказательство Евклида. Есть еще доказательства методом разложения, сложения, вычитания…

Сыроежкин смотрел на друга, как на чародея.

– Здорово! – вздохнул он в восхищении. – Мне бы так… Но Сыроежкину пара обеспечена.

– Что такое пара? – заинтересовался Электроник.

– Ну, пара… это двойка… или плохо.

– Плохо, – повторил Электроник. – Понятно. Я читал в одной книге: из любого положения есть выход. Это совершенно верное высказывание.

– Выход? – Сергей задумался. – Выход-то есть… – Он прямо взглянул в глаза Электронику и покраснел. – А ты не можешь пойти вместо меня?

– Я могу, – бесстрастно сказал Электроник.

Глаза у Сережки заблестели.

– Давай так. – Он облизнул пересохшие вдруг губы. – Сегодня ты будешь Сергей Сыроежкин, а я – Электроник. Смотри! – Сережка подвел друга к зеркалу. – Вот ты и я. Слева – я, справа – ты. Теперь я перейду на другую сторону. Смотри внимательно. Ничего не изменилось! Опять справа – ты, а слева – я. Точно?

– Точно! – подтвердил Электроник. – Сегодня я Сергей Сыроежкин.

– Чур-чура, это наша тайна, – предупредил Сережка. – Понимаешь, тайна! Никому, хоть умри, ни слова. Поклянись самым святым!

– Чем? – спросил Электроник.

– Ну, самым важным. Что для тебя самое важное?

Электроник подумал.

– Чтоб я не сломался, – промолвил он.

– Так и скажи: «Чтоб я сломался, если выдам эту тайну!»

Электроник хрипло повторил клятву.

– Слушай внимательно! – сказал Сергей. – Ты берешь портфель и идешь в школу. Вон она – во дворе. Ты идешь в седьмой класс «Б» – на первом этаже первая комната налево. Как войдешь, садишься за вторую парту. Там сижу я, а передо мной Макар Гусев, такой здоровый верзила. Он пристает и дразнится, но ты не обращай на него внимания. Дальше все идет как по маслу. На первом уроке ты рисуешь, на втором отвечаешь теорему Пифагора, а третий урок – география. Ты знаешь что-нибудь из географии?

– Я знаю все океаны, моря, реки, горы, города…

– Отлично! Ты запомнил?

Электроник повторил задание. Он запомнил все превосходно.

Сережка моментально собрал портфель и выглянул на всякий случай на площадку: нет ли Макара Гусева? Сверху донесся топот. Это бежал по лестнице Профессор – Вовка Корольков.

– Привет! – крикнул он. – Ты еще не читал «Программиста-оптимиста»? Там написано, что ты чемпион мира по бегу!

Сыроежкин пожал плечами:

– Подумаешь, чемпион! Вы еще не то обо мне узнаете!

Он вернулся в квартиру и сказал Электронику:

– Помнишь эстраду в парке, где мы вчера спаслись от погони? Ты найдешь ее? После уроков приходи туда.

«Программист-оптимист»

Возможно, кое-кто из читателей слышал о «Программисте-оптимисте». Эти два слова часто произносят не только в математической школе, но и во дворах, и на Липовой аллее. Даже в магазине и в троллейбусе можно услышать в разговоре про новости из «Программиста-оптимиста».

«Программист-оптимист» – стенная школьная газета. Нетрудно догадаться, что выпускают ее математики – они же программисты. Самое простое в этой газете – название. Уже стоящий рядом номер зашифрован в уравнение и требует некоторых размышлений. Дальше идут заметки про разные события, в которых то и дело мелькают формулы, векторы, параллельные, иксы, игреки и прочее. Эти заметки обычно читаются с улыбками и смешками: посвященные в математику находят в них много намеков, иронии, предостережений, советов.

Однако не подумайте, что математики издают газеты только для себя. Во-первых, «Программиста-оптимиста» читают все старшеклассники-монтажники, которые сами ничего не выпускают. Во-вторых, малыши находят там много карикатур, смешных стихов и веселых фотографий. В-третьих, в газете всегда есть свободное место и каждый ученик может взять клей и прилепить туда свою заметку, объявление или просьбу.

Профессор был прав: в понедельник в «Программисте-оптимисте» все читали и обсуждали одну заметку – «Ура чемпиону!».

Когда чемпион с портфелем в руке появился в коридоре, наступила тишина. К чемпиону подошел Спартак Неделин.

– Это ты Сыроежкин? – спросил он.

– Я, – сказал Электроник.

– Конечно, это он! – закричал, вырастая за спиной чемпиона, Макар Гусев. – Сыр Сырыч Сыроегин, собственной персоной.

– Не паясничай! – оборвал Макара Спартак Неделин.

– Не паясничай! – накинулся на Макара Профессор, чем очень озадачил своего приятеля. – Ясно сказано, что первым прибежал Сыроежкин, а не Гусев.

А Неделин продолжал:

– Как же ты так сумел?

– Не знаю, – ответил Электроник.

Ребята зашумели.

– Он еще не читал, – громко сказал кто-то. – Пустите его!

Электроник подошел к газете и за несколько секунд, будто просматривая, прочитал все заметки.

– Все правильно, – спокойно сказал он. – Только в этом уравнении ошибка – нужен плюс, а не минус.

– Верно, – сказал Неделин. – Молодец! Математически мыслишь. – Спартак исправил авторучкой ошибку, похлопал героя по плечу и отошел.

Звонок разогнал читателей по классам.

Электроник уже сидел на второй парте за могучей спиной Гусева, глядя прямо перед собой. Рядом с ним ерзал Профессор, мучительно размышляя о том, как ему извиниться за историю с телескопом. Он пробовал заговорить с соседом, но тот словно воды в рот набрал.

Учительница рисования, войдя в класс, сказала, что сегодня занятие на улице. Захлопали крышки парт, зазвенели голоса. Шумная стайка вырвалась из школы, пересекла Липовую аллею. А дальше – бегом до обрыва к реке.

Сколько раз были они здесь и все-таки остановились притихшие, удивленно-глазастые. Среди зеленой пены кустов стекает вниз длинная и блестящая, словно ледник, стеклянная

коробка. На ее дне – три яркие полосы: красная, желтая, синяя. А по дорожкам катятся разноцветные горошины – это мчатся по искусственному цветному снегу лыжники. Мчатся с вышины с огромной скоростью, тормозя внизу, где коробка раздувается, как мыльный пузырь. А еще дальше, за деревьями, – река и легкая арка моста, где тоже всё в движении: теплоходы, катера, автомобили, троллейбусы. А за рекой и за мостом весь город теряется в светлой дымке.

И они сидят и рисуют всё, что видят. Иные – размашисто, уверенно, подчиняя карандашу перспективу, иные – неровно, несмело, хватаясь за резинку, но все вместе – внимательные, мыслящие.

– Сейчас делайте только набросок, – говорит учительница. – Раскрасьте дома. Тот, кто хочет стать космонавтом, инженером, летчиком, исследователем, должен иметь хорошую зрительную память на цвета.

Учительница ходит за спинами, заглядывает в альбомы, вполголоса дает ребятам советы. Вот она остановилась около Сыроежкина. Долго смотрела через его плечо, потом спросила:

– Что это такое, Сережа?

Электроник протянул ей альбом и хриплым голосом ответил:

– Это движения лыжников.

В альбоме Сыроежкина – не контуры города, а колонки формул. Под ними корявые буквы текста.

– Не понимаю, – пожала плечами учительница и прочитала вслух: – «Настоящий трактат, не претендуя на исчерпывающую полноту исследования поставленных проблем, тем не менее не может не оказаться полезным для лиц, производящих исследования в данной области».

Художники захихикали.

– Это вступление, – раздался скрипучий голос Электроника. – Дальше все конкретно.

– Ты не заболел? – спросила учительница. – У тебя хриплый голос. Наверно, ты простудился.

– Я здоров, – проскрипел сочинитель.

Учительница читала дальше:

– «Автор исходит из утверждения, в силу своей очевидности не требующего доказательства, а именно: лыжи и лыжник образуют систему трех векторов. Анализ этой системы показал, что она устойчива только тогда, когда векторы системы линейно зависимы, причем два из них должны быть коллинеарны…» Ты что, Сыроежкин, сочинял на уроке в газету? Ничего не могу понять.

– Почему же, все понятно! – уверенно произнес кто-то.

Спартак Неделин, разгоряченный, румяный, в белом свитере, стоял рядом с учительницей.

– Разрешите, Галина Ивановна? – попросил он альбом Сыроежкина. – Я объясню! Здесь описано, как мы катаемся на лыжах. Только что на всех трех дорожках был наш девятый «А». Итак, о чем пишет Сыроежкин? Система трех векторов – это лыжник и лыжи. Естественно, что они зависят друг от друга, иначе никакого катания не получится, и два из них – лыжи – скользят по снегу и параллельны, то есть, выражаясь языком математики, они коллинеарны. О чем и пишет Сыроежкин. Читаем дальше: «Очень устойчива система, состоящая из трех коллинеарных векторов, что испытали на себе несколько исследователей». – Спартак не выдержал, засмеялся. – Остроумно! В точности Витька Попов. Упал на спину и съезжал вслед за лыжами. Вот не знал, что ты такой сочинитель, Сыроежкин! Это надо немедленно в газету. И забавные рисунки можно сделать. Я думаю, надо назвать так: «Лыжный спорт и векторная алгебра».

– Не знаю, как насчет газеты, – сухо заметила учительница, – а задание он не выполнил.

– Простите его, Галина Ивановна! – попросил Спартак. – Бывает, что увлекаешься не тем, чем надо… Но ведь талантливо написано!.. Он нарисует пейзаж дома.

– Хорошо, – сказала Галина Ивановна Сыроежкину, – нарисуй дома. А пока я ставлю тебе точку в журнале… Ребята, урок окончен. Возвращаемся в школу.

К Электронику подошел Макар Гусев и потянул его за рукав.

– Да ты мудрец, Сыроега! Вот не знал! – Макар наклонился и шепотом предложил: – Слушай, давай удерем от всех и искупаемся!

– Я не умею плавать, – громко сказал Электроник.

– Тише! – Макар сделал большие глаза и погрозил кулаком. – Чего боишься? Да мы быстро, никто и не заметит.

– Я никогда не купаюсь, – последовал спокойный ответ.

Такая наглая ложь глубоко поразила Гусева. А чей же портрет был на всю обложку журнала! Все видели, как Сыроежкин на этой обложке вылезал из бассейна и скалил зубы фотографу.

– Посмотрите на этого маменькиного сыночка! – заорал Макар. – Он боится промочить ножки! Он никогда не купается… Ну и заливает!..

Макар и не подозревал, как он близок к истине. Купание для Электроника было равносильно самоубийству: вода, попав внутрь, могла вывести из строя его тонкий механизм. Гусев кричал во всю глотку, чтоб привлечь внимание ребят и посрамить недавнего чемпиона. Но его сбил вопрос Сыроежкина:

– Что значит заливает? Я тебя ничем не обливал.

– Ты, Сыроежкин, совсем рехнулся, – махнул рукой Гусев. – Простую речь не понимаешь… Или ты притворяешься?

– Ничего он не притворяется, – вмешался Профессор. – Я, когда думаю о чем-то, всегда пишу «карова» и вообще забываю самые обычные слова. Ты, Макар, не придирайся. Видишь, человек охрип. А ты – купаться.

– Подумаешь! Я утром уже два раза купнулся. И в полной форме! – Гусев схватил булыжник, швырнул его с обрыва. – Пощупай мышцы, Вовка! – попросил он Профессора. – Железо!.. Эй, чемпион, давай наперегонки до школы!

Сыроежкин даже не оглянулся.

– Не люблю, – сказал Макар, – когда делают всё напоказ. Один раз можно и чемпиона мира обогнать. А ты попробуй каждый день…

И Гусев помчался к школе.

«Стул невесты»

Фамилия математика была Таратар. Его любили. Таратар Таратарыч – так ребята прозвали своего учителя – никогда не спешил ставить двойку. Когда ученик мямлил и путался у доски, Таратар смотрел на него чуть насмешливо, поблескивая выпуклыми стеклами очков и шевеля густыми, как щетка, усами. Потом он вызывал желающих объяснить ошибку и говорил классу: «Если кто-то не знает данную тему, пусть поднимет руку и скажет, а не отнимает у всех времени. Мне совершенно безразлично, покупал этот ученик коньки, или был в гостях, или просто забыл выучить, – двойку я ему не поставлю. Но должок за ним останется, и я когда-нибудь напомню…» И Таратар не забывал спросить путаника второй раз.

Пока Гусев рисовал на доске чертеж теоремы Пифагора, Таратар, чуть сгорбившись, заложив руки за спину, ходил вдоль рядов и заглядывал в тетради.

– Ну-с, – сказал он Гусеву, – ты кончил?

Макар кивнул.

– Все бы так, как он, начертили? – спросил Таратар у класса.

– Нет, – откликнулся Профессор.

– Пожалуйста, Корольков, подскажи.

– Надо еще провести диагональ в прямоугольнике.

– Правильно. Теперь, Гусев, доказывай.

Макар с грехом пополам, при поддержке Профессора, доказал теорему. Тяжело вздохнув, он сел на место. Профессор помог ему стряхнуть с куртки крошки мела.

Учитель опять обратился к классу:

– Это доказательство приведено в учебнике. Знает ли кто-нибудь другие?

Прежде чем Профессор успел поднять руку, Электроник встал:

– Я.

Таратар был чуть удивлен: Сыроежкин никогда не проявляет особой активности, а тут даже встал.

– Прошу, Сыроежкин, – сказал учитель.

– Я могу привести двадцать пять доказательств, – хрипло произнес Электроник.

Гул удивления пролетел над партами.

Усы Таратара дернулись вверх.

– Ну-ка, ну-ка… – сказал он и подумал:

«У мальчика ломается голос. Переломный возраст. И как самоуверен… Посмотрим, выдержит ли он эту роль до конца».

Мел в руке Электроника быстро забегал по доске, и вот уже готов треугольник, окруженный квадратами.

– Простейшее доказательство теоремы есть у древнегреческого математика Евклида, – говорит скрипуче Электроник и затем за считанные секунды обрушивает на слушателей сравнение геометрических фигур. – Ученые считают, – продолжает бойко Электроник, – что это доказательство теоремы Евклид придумал сам. Как известно, о Пифагоре Самосском мы почти ничего не знаем. Кроме того, что он жил в шестом веке до нашей эры, сформулировал свою теорему и был главой первой в мире математической школы. Евклид более двух тысяч лет тому назад собрал все известные ему аксиомы. Можно сказать, что он основал геометрию. Евклидова геометрия просуществовала без изменений до девятнадцатого века, пока русский ученый Лобачевский не построил новую систему.

– Правильно, – подтвердил Таратар. – Продолжай, Сережа.

Класс удивленно замер. Даже на последней парте, где сидят любители всевозможных развлечений, перестали играть в «морской бой».

А Электроник уже начертил три новые фигуры. Он рассказывает о том, как формулировали знаменитую теорему древние греки, индийцы, китайцы, арабы.

Таратар успел только вставить:

– В древности, ребята, теорему Пифагора знали лишь отдельные ученые, посвященные в таинства математики, теперь ее учат все.

Мел Электроника рисует и рисует. Громоздятся квадраты и треугольники, вырастают квадраты из треугольников, делятся квадраты на треугольники. Сыплются слова: «Метод сложения… Метод разложения… Метод вычитания…» Доска покрылась ровными многоугольниками, все видят чертеж паркета и удивлены тем, что это тоже доказательство теоремы Пифагора.

А Электроник подтверждает:

– Метод «укладка паркета». Так он называется.

Потом он снова строит квадраты на сторонах треугольника, делит их на равные части и обращается к слушателям с очень краткой речью:

– Здесь все рассуждения заключены в одно слово: смотрите! И вы всё увидите!

Ребята разглядывают доску.

Таратар кивает головой, улыбается.

– Наконец, «стул невесты», – хрипло провозглашает Электроник.

Класс не выдерживает, хохочет.

– Я сказал правильно, – обернувшись, говорит Электроник. – «Стул невесты». Эту фигуру придумал не я, а индийцы, причем в девятом веке.

«Стул невесты» уже изображен на доске. Это пятиугольник, поставленный на прямой угол, с выступом для сидения наверху. Не очень-то усидишь на таком шатком стуле!

Ребята опять смеются и смолкают. Сыроежкин читает стихи:

Пребудет вечно истина, как скоро
Ее познает слабый человек!
И ныне теорема Пифагора
Верна, как и в его далекий век.

Таратар подхватывает, и они читают дальше вдвоем:

Обильно было жертвоприношенье
Богам от Пифагора. Сто быков
Он отдал на закланье и сожженье
За света луч, пришедший с облаков.
Поэтому всегда с тех самых пор,
Чуть истина рождается на свет,
Быки ревут, ее почуя, вслед.
Они не в силах свету помешать,
А могут лишь, закрыв глаза, дрожать
От страха, что вселил в них Пифагор.

– Это сонет Шамиссо, – растроганно говорит Таратар. Он снимает очки, протирает стекла платком.

Макар Гусев моргает Профессору: не часто увидишь, как спокойный и насмешливый Таратар Таратарыч приходит в такое умиление. Макар готов уже взять обратно все слова, которые он наговорил Сыроежкину час назад, на берегу. В знак примирения он машет ему рукой.

– Садись, Сережа, – говорит Таратар. – Я с удовольствием ставлю тебе «пять».

– У меня в журнале вопрос, – напоминает Электроник, вызвав этим простым замечанием буйное веселье Гусева.

– Вопроса больше нет, – улыбается Таратар. – Твердая пятерка… – Он повернулся к классу: – Гусев, успокойся, пожалуйста…

У меня есть такое предложение ко всем. Со следующего урока за столом на кафедре будет сидеть ассистент. Его задача – объяснять классу наиболее трудные вопросы домашнего задания. Естественно, ассистент должен готовиться лучше всех. Дежурить будете по очереди. Согласны?

– Согласны, – отвечает класс.

– Тогда на ближайшую неделю ассистентом назначается Сыроежкин… И вот что я еще хотел сказать. Главное в математике – это не формулы, не вычисления, а движение мысли, новые идеи. Я говорил уже об этом, но сегодня ваш товарищ еще раз блестяще подтвердил истину. Ваша учеба похожа на путешествие. Каждый день перед вами вырастают новые горы. Взойдете на одну, а там уже другая. И чем больше преодолеете вы вершин, тем сильнее будете чувствовать себя…

Таратар ушел. Ребята обступили Сыроежкина, загалдели:

– Ну, ты герой!

– Молодчина!

– Разложил Пифагора, как маленького!

– Теперь пусть девятиклассники не задаются. У нас своя знаменитость!

– И чемпион по бегу!

– И корреспондент «Программиста».

Громче всех вопил басом Макар:

– У нас свой Пифагор! Вот он сидит на стуле невесты! Ура Сыроежкину!

Вбежал Спартак Неделин, махая голубой бумажкой.

– Сыроежкин, где ты? – закричал он, перекрывая шум. – Держи! Редколлегия «Программиста» наградила тебя билетом в цирк. И готовь новую заметку!

Три хранителя теоремы

В глубине парка, как раз недалеко от выхода на Липовую аллею, стояла маленькая облезлая эстрада с пожелтевшим экраном. Очень редко здесь показывали киножурналы, и потому раковина эстрады была уютным прибежищем для всех мальчишек. Только вчера здесь пережидали погоню сбежавший от зрителей фокусник и его приятель.

Сережа влез на эстраду, развалился на шершавых досках. Ну и жизнь настала привольная! В школу не ходи, заданий не готовь. Электроник и так все знает. Хочешь – смотри на небо сквозь щели в крыше, хочешь – мечтай о чем угодно, хочешь – броди по парку.

Он полежал на животе, зевнул, перевернулся на спину, стал считать доски в крыше-раковине. Пробился в щель солнечный луч, рядом с мальчиком легло на пол светлое пятно. Сережка вынул из кармана зеркальце, пустил солнечного зайчика в сумрачный угол. Зайчик скользнул по старым доскам, потревожил пауков в их паутине, запрыгал по экрану.

Вдруг зайчик пропал. Только что он сидел на серо-желтом полотне и вот исчез. Луч от зеркальца тянулся блестящим мечом к экрану, а светлого кружка на нем не было, словно луч проткнул полотно.

Сережка снова поймал солнце и пустил зайца в нижний угол экрана. Заяц поскакал-поскакал и через мгновение опять исчез. Его будто накрыла мягкая невидимая рука.

Все еще направляя луч в то же место, Сережка с забившимся сердцем подошел вплотную к экрану и резко обернулся, почувствовав, что за его спиной кто-то стоит.

Он увидел девочку с тонкой косичкой. Она держала корзинку, покрытую тряпкой.

Сыроежкин разинул от удивления рот, соображая, как девчонка могла оказаться за его спиной, но она опередила его вопрос.

– Это мой дедушка поймал твоего зайца. – Девочка наклонилась к Сереже и доверительно сказала: – Он лучший охотник на солнечных зайцев во всей нашей стране.

Сережа еще шире разинул рот, но опять ничего не успел спросить, потому что откуда-то появился седой дед с большим сачком. Дед держал что-то блестящее, сверкающее, огненно-золотое. Нельзя было рассмотреть этот блеск, так резало глаза.

Сережа прищурился, прикрыл глаза ладонью и сквозь пальцы разглядел добычу. Девочка не обманывала: дед нес огненных зайцев, держа их за длинные уши! Было похоже, что они солнечного происхождения.

– Спасибо, сынок, – добродушно сказал дед. – Ты принес охотнику удачу, хотя и заставил побегать. Но пора нам домой. Хочешь проводить нас? Ты попадешь в город, какого прежде не видывал.

– Да-да… – закивал Сережа. Ему очень захотелось увидеть тот самый город, где живут охотники за солнечными зайцами.

Они шли через лес.

Сережа вертел головой, с удивлением рассматривая деревья. Странный был этот лес. Как будто простые елки, березы, сосны. Но стволы у них не круглые, а как линейки. И ветки растут только по бокам – вправо и влево.

– Уже недалеко, – заметил старик. – Вот просвет, а там и город.

Дорога-стрела, вырвавшись из леса, превратилась в городскую улицу. Стояли на ней обычные дома. С треугольниками крыш, квадратами окон, прямоугольниками дверей. Шли люди, ехали машины.

Сережку с первых же шагов охватило смутное чувство тревоги. Одних пешеходов он видел только спереди и сзади и не замечал, как они проходили мимо. Других он мог разглядеть только сбоку, а издали они были похожи на тонкие палочки или черточки.

Старик окликнул его:

– Ну, сынок, поброди-ка с Анкой по улице, а я пойду домой. Ты счастливый, может, и внучке принесешь удачу.

– Пошли? – спросила Анка и тряхнула корзиной. – Ты и вправду счастливый? А то много дней у нас нет совсем покупателей…

– А что ты продаешь? – спросил Сережка. – Ириски?

– Не-ет, – покачала головой Анка, – у нас не продают ириски. В этой корзине – улыбки.

– Улыбки? – улыбнулся Сережка. Честно говоря, ему совсем не было весело.

– Смотри!

Анка сдернула с корзины платок, и Сергей зажмурил глаза от нестерпимого блеска.

– Эти улыбки дедушка делает из шкурок зайцев, – продолжала девочка. – Я думала, ты догадался. Только их мало покупают.

И она обратилась к странным прохожим:

– Купите улыбку! Очень дешево. Улыбку простую – печальную, грустную. Улыбку для всех – детскую, взрослую. Какую хотите. Купите, купите!..

Но никто не желал купить солнечную улыбку. Прохожие шли мимо, помахивая тощими портфелями. Они не замечали Анку и ее золотую корзинку. Их лица были сосредоточенны, движения точны, глаза устремлены вперед. Даже собаки пробегали молчаливо, таинственно, будто тени.

И вдруг Сыроежкина осенило: вот так штука, здесь же все плоское!

Он внимательно посмотрел на улицу. Это был плоский город: автомобили, дома, фонари, деревья, жители, даже собаки – все-все плоское, как блин, как доска, как стена, словно вырезано из картона или бумаги. Даже девочка Анка, которая стоит рядом с ним, и та плоская. У нее всего одна косичка. Как он раньше не заметил!

А вот важно идет человек с огромным животом. Наверное, он считается толстяком. А на самом деле, если посмотреть сзади, он тоньше иглы. Сережка не выдержал, захохотал: какой узкий стул нужен этому толстяку! А кровать – тоньше линейки! А какие бутерброды жует этот толстяк? Папиросную бумагу он жует, а не бутерброды.

Он смеялся до слез, не замечая, как насторожилась Анка, как остановились прохожие, как собралась небольшая толпа. Плоские люди строго смотрели на веселого мальчишку, перебрасывались сердито:

– Какой невоспитанный! Только я сосредоточился, как вдруг этот ужасный смех. Он спутал все мои расчеты.

– Да, вот такие мешают спокойному течению мыслей.

– Я всегда говорил, что для чересчур резвых детей надо открыть школу с усиленной программой по черчению.

– И еще вечно путается под ногами девчонка! Кому нужны эти дурацкие улыбки?

– Тише! – испуганно воскликнул кто-то. – Идут хранители теоремы.

Толпа смолкла, расступилась, пропуская три важные фигуры.

В покрое их одежды можно было различить три квадрата и треугольник, и все же они не были похожи друг на друга. Один из них, с квадратной головой и остренькими глазками, был облачен в старомодную профессорскую мантию. Другой, небольшого роста, носил на голове огромный цилиндр, держа руки в карманах и зажав под мышкой зонт. Последний шел через толпу, воздев руки к небу, словно предупреждая о чем-то. Так выглядели три хранителя теоремы, медленно приближавшиеся к Сереже.

Честно говоря, Сергей в этот момент струсил. Уж очень строгий вид был у хранителей.

Три хранителя остановились перед мальчиком, молча разглядывая его. Потом тот, кто был в профессорской мантии, сказал неожиданно писклявым голосом:

– Нам стало известно, что ты нарушаешь порядок, установившийся с незапамятных времен в нашей стране. Известно ли тебе, незнакомец, что ты находишься в Стране двух измерений?

– Да, – кивнул Сережа.

– Известно ли тебе, – продолжал пищать хранитель, – чему равна сумма квадратов катетов?

– Квадрату гипотенузы!.. – пробормотал мальчик.

Хранители переглянулись.

– Он не так уж глуп, как кажется, – заметил малютка в огромном цилиндре.

Сережка осмотрел трех хранителей и стал вспоминать, где он видел эти треугольники и квадраты. Ну конечно, на школьной доске! Их рисовал Таратар Таратарыч!

– Теорема Пифагора! – выпалил он.

– Ты знаешь это имя?! – удивился хранитель с поднятыми руками. – Предупреждаю, произноси его почтительнее! Ибо все, что ты видишь вокруг, создано на основе этого бессмертного открытия…

Напыщенность хранителей и их возвышенный тон уже наскучили Сыроежкину. Пока хранитель с поднятыми руками читал наставления, наш математик мысленно перевернул его вниз головой и захихикал.

– Что ты нашел смешного в наших словах? – строго спросили хранители.

Толпа угрожающе загудела. Нет, их не стоило раздражать.

– Не обращайте внимания, – сказал Сыроежкин. – Я всегда так смеюсь, когда вспоминаю о Пифагоровых штанах.

– Поясни свою мысль.

– Ну, так легче всего запомнить теорему… Пифагоровы штаны во все стороны равны!

– О! – воскликнули в один голос три хранителя. – Эта формулировка неизвестна даже нам!

Они вынули из карманов мел и принялись чертить на асфальте фигуры. Никто больше не обращал на Сережку внимания. Толпа следила за движениями хранителей.

Сережа подошел к Анке, похвастал:

– Вот я и задал им работу. Давай мне в награду улыбку.

Девочка смотрела на него, как на волшебника. Она машинально сунула руку в корзинку и протянула Сережке сверкающую улыбку. Помахивая ею, Сережка важно сказал:

– Пусть они думают до утра. Пойдем к нам во двор. У нас там все совсем другое. Будем гонять мяч, настоящий, круглый, а не плоский. И кошки у нас пушистые и мягкие. А собаки! Разве у нас такие собаки? Ты бы только видела, как Бешеная Колбаса ловит свой хвост, умерла бы со смеху! И я, так и быть, познакомлю тебя с Электроником.

– Я очень хочу играть в круглый мяч, – вздохнула Анка. – Я очень хочу погладить пушистую кошку. Но я не понимаю, что такое «круглый». Наверное, я никогда не смогу увидеть круглое и пушистое! – И Анка заплакала.

В этот момент к ним подошли три хранителя.

– Скажи, чужеземец, откуда ты прибыл? – строго спросил малютка в цилиндре.

Сережка на минуту задумался. Сказать: с Липовой аллеи? Не поймут. И он ответил:

– С Земли.

– Надеюсь, раз мы нашли общий язык, – продолжал хранитель, – ваша Земля подобна Стране двух измерений? Она такая же большая и плоская?

– Она очень большая, но не плоская, а круглая, – чистосердечно признался Сыроежкин. – Это бабушкины сказки, что Земля плоская.

Толпа изумленно вздохнула.

– Ты заблуждаешься, мальчик! – сурово произнес хранитель с поднятыми руками. – Не станешь же ты, подсказавший нам оригинальное решение Великой теоремы, утверждать, что на вашей Земле сумма углов треугольника не равна ста восьмидесяти градусам?

Вопрос несколько озадачил нашего математика. Сумму углов простого треугольника он хорошо знал – сто восемьдесят градусов. Но на Земле? Он представил большой глобус и построил на нем треугольник с вершиной на Северном полюсе и основанием на экваторе. Оставалось посчитать, чему равна сумма его углов.

– Считайте сами, не торопитесь! – сказал Сережка. – Вот вам Земля.

Он вынул из кармана копейку.

– Я же говорил, что она плоская, – поучительно заметил хранитель, увидев копейку.

– Это еще не Земля! – предупредил мальчик. – Неужели вы думаете, что весь мир построен по одной теореме?

Сыроежкин присел, поставил копейку на ребро и щелкнул по самому краешку ногтем. Копейка закружилась на месте, образовав блестящий шарик.

– Ах, – вскрикнула Анка, – как красиво!

– Это обманщик! – закричали из толпы. – Обратите внимание, как он не похож сам на себя с разных сторон!

– Да, да, он совсем разный, когда поворачивается! – подхватили сердитые голоса.

– Он хочет нас одурачить! Посмотрите внимательно на чертеж. Великого хранителя теоремы он представил как штаны, которые во все стороны равны.

Откуда-то вынырнул юркий, сгибающийся пополам человечек и зашептал трем хранителям:

– Опасный смутьян!.. Он уговаривал девчонку играть с круглым мячом и пушистой кошкой, каких в природе не существует. Надо проучить его.

– Беги! – шепнула Сергею Анка и подкинула высоко корзину с улыбками.

Сноп солнечных искр вылетел оттуда, на мгновение ослепив толпу.

Сережка бросился бежать. Он не разбирал дороги и мчался по улице, сшибая плоские фигуры. Потом свернул и ринулся напролом – через плоские дома. Они трещали и ломались, цепляясь за одежду мальчика. А сзади топала погоня.

Вот лес – частокол линеек. Он тоже трещит, ломается. Не лес, а сухая трава. Еще несколько метров, и он спасен. Он выскочит в настоящий парк, где ходят настоящие люди, где его ждет Электроник.

Но кто-то хватает Сергея за ногу, и он падает. Крепко зажмуривает глаза, ждет, что будет дальше. Опять кто-то тянет его за ногу. Сергей открывает один глаз и видит Электроника.

– Электроша! – радостно кричит Сережа и вскакивает. – Ты меня спас!

– Не преувеличивай, – говорит Электроник. – Я получил пятерку, точку по рисованию и билет в цирк.

Они стоят внутри эстрады, за экраном. Сергей с удивлением вертит в руках голубой билетик и ничего не понимает.

– Сейчас я расскажу, как все было, – говорит его друг. – Но сначала надо достать конфеты.

– Зачем конфеты?

– Как – зачем? Мы же идем в цирк.

Первые поражения Электроника

В киоске они купили конфеты, и Электроник забрал их себе.

– Съедим в цирке? – спросил Сережка.

– Нет, это для другой цели.

Больше Электроник ничего не сказал. Но Сережка понимающе улыбнулся. Он знал, что и в цирке обязательно произойдет нечто замечательное.

Ну что у него за необыкновенный друг! Прошло всего несколько часов, как они расстались, а Электроник уже прогремел на всю школу, удивил Спартака, самого Таратара и награжден билетом в цирк! Даже страна плоских людей, о которой Сережка рассказал своему другу, теперь казалась не такой уж интересной.

– Наверно, когда ты отвечал на уроке, а я тебя ждал, – буднично закончил Сережка, – я тоже думал о теореме Пифагора. И вот мне приснилась эта глупая страна.

Но Электроник воспринял его рассказ иначе. Он стал рассуждать серьезно и обстоятельно, ничуть не сомневаясь в подлинности происшествия. И Сережке уже казалось, что он действительно был в стране плоских людей. Он вспомнил Анку и пожалел ее. Вот они с другом идут вдоль набережной, видят, как искрится река, как летят, едва касаясь воды, крылатые теплоходы и яркими бабочками мелькают красные, желтые, белые паруса яхт… А там – какая скучная жизнь у этих плоских людей: теорема Пифагора, сумма углов треугольника – и больше ничего.

А Электроник сказал, что Сережке повезло: он словно попал в древние века, когда поклонялись только Евклиду. И он вел себя как настоящий ученый – предложил хранителям остроумную задачу. Они привыкли, что в любом плоском треугольнике сумма углов сто восемьдесят градусов, а тут нате вам – двести семьдесят. Треугольник на земном шаре – это им не Евклид, а геометрия сферы!

Наш математик почувствовал себя героем. Еще бы, он здорово озадачил этих хранителей!

– Надо было предложить им еще треугольник в космосе, – сказал Электроник.

– М-м, – промычал математик. – Это интересно.

– Конечно.

– Ну-ка расскажи, пожалуйста. Я что-то забыл, – схитрил Сыроежкин.

Электроник поднял палку и нарисовал на песчаной дорожке три звездочки.

– Вот три звезды в разных галактиках. Представляешь?

– Представляю.

– Это три вершины нашего космического треугольника, – продолжал Электроник. – Предположим, что его стороны – это лучи света. Как известно, луч света в пустоте – всегда прямая линия… Но в том-то и дело, что, когда лучи проходят вблизи звезды, они искривляются.

– Ух ты… Как же так?

– Физический закон. Солнце, звезды и другие небесные тела искривляют пространство вокруг себя, и поэтому наш треугольник окажется совсем не плоским. – Электроник соединил все три звезды в своем чертеже кривыми линиями.

– Понятно, – сказал Сыроежкин, – хотя и чудно. Выходит так: если я захочу лететь от одной звезды к другой, то я полечу не прямо, а по кривой?

– Совершенно верно, – тоном учителя произнес Электроник. – Но это не всё. Не забудь, что звезды все время движутся. Галактики разбегаются от Земли с огромной скоростью. Вот и измерь сумму углов космического треугольника.

– Да, – подтвердил Сыроежкин. – Попробуй измерь! А ты можешь?

– Не могу, – сознался Электроник. – Над геометрией Вселенной работают астрономы, физики, математики. Это сложная наука.

Сыроежкин хлопнул себя по лбу:

– Зачем же мы в школе тратим силы на каких-то Пифагоров и Евклидов, раз геометрия совсем другая! Что ж ты раньше молчал!

– А теперь ты рассуждаешь совсем не как ученый, – охладил товарища Электроник. – Теорема Пифагора все равно нужна для простых расчетов и опытов. А геометрия Евклида – простой раздел геометрии нашего мира, и ее тоже надо знать.

– Я вот считаю, – сказал Сыроежкин, – как мне повезло, что я родился не в древние века. Сидел бы я за партой и думал, как те плоские люди: «О великий Пифагор, ты просветил мой разум…» Нет, товарищ Пифагор, я не такой простофиля. Когда я стану математиком, или астрономом, или космонавтом и когда полечу в космос, я выберу себе особенный маршрут: треугольник. И сумма квадратов его катетов не будет равна квадрату гипотенузы!..

Чуть позже, когда Сережке расхотелось говорить про геометрию, он повел приятеля в укромный уголок парка, примечательный тем, что там в любое время дня происходил обмен ценностями между мальчишками.

До циркового представления было еще три часа, и Сережка решил доставить Электронику маленькое удовольствие. Подойдя к сиреневым кустам, он извлек из карманов свое богатство, разложил на земле и царским жестом разрешил другу все это обменять. Здесь были: космические марки в целлофановом пакетике; десяток значков; перегоревший фонарик величиной с карандаш; две старинные монеты, стершиеся до того, что невозможно было установить их подданство; детали от микроприемника; золотистый хвост белки со свинцовым грузиком, так называемый пушок, который мальчишки подкидывают ногой вместо мяча; несколько шахматных фигур; резинка в виде ракеты; миниатюрный циркуль; пенопластовый поплавок; зеркальце.

Электроник осмотрел груду вещей и спросил:

– Зачем я должен менять?

– Это такая игра, – пояснил Сыроежкин. – Ты увидишь, будет интересно.

Он помог приятелю рассовать ценности по карманам и остался ждать его у кустов, благоразумно решив, что не стоит появляться вместе в знакомой компании. Сережка представил, как хорошо сейчас Электронику – сидит на скамейке, меняет сокровища и берет что хочет. Чудесная это все-таки игра, очень необходимая в жизни. Надоел тебе, к примеру, желтый фонарь, так намозолил глаза, что просто видеть его не можешь. Иди в парк, к сиреневым кустам, и бери взамен велосипедный звонок, или карманные шахматы, или еще что-нибудь. Наверное, это самая древняя игра, и она не умрет, пока у мальчишек есть карманы…

Но не прошло и пяти минут, как Электроник вернулся.

– Ну? – нетерпеливо спросил Сыроежкин.

– Все в порядке. Обменял. Принес другие предметы, – невозмутимо произнес Электроник.

Когда же меняла выложил эти предметы, Сережка даже побледнел. Он увидел пустой аптечный пузырек, кусок использованной фотопленки, марки, которые можно купить в любом киоске, самодельный бумажный кошелек, коробок от спичек, куклу без носа и без глаз, школьные перья, какие-то винтики, гаечки, гвоздики и в довершение всего – огрызок карандаша. Жалкий огрызок и нанес последний удар Сыроежкину. Он укоризненно посмотрел на друга, который разорил его в несколько минут.

– Количество предметов точно такое, какое ты дал, – бесстрастно доложил Электроник.

– Да-а… – протянул Сережка, не зная, смеяться ему или плакать, выбросить эти невероятные глупости или покорно забрать.

Внезапно он принял решение. Собрал весь хлам и приказал Электронику:

– Жди меня здесь!

– Ты тоже идешь меняться? – спросил недавний меняла, не подозревавший о своей бесталанности.

– Видишь ли, из этих предметов мне кое-что не нравится. Я сейчас вернусь.

Компания на скамейках встретила Сыроежкина настороженным молчанием. Сергей даже заметил, как рыжий парень поспешно спрятал его фонарик. Не обращая ни на кого внимания, наш герой разложил на свободной скамейке свою ношу и громко сказал:

– А ну налетай! Меняю!

Взрыв откровенного смеха был ему ответом. «Облапошили и рады. Ржут, как лошади, – усмехнулся Сыроежкин. – Ничего, сейчас вы будете плакать».

– Передумал!.. – кричали ему мальчишки. – Ничего не выйдет! Мен на мен – возврата нет!..

– Меняю на фонарик, – хладнокровно продолжал Сыроежкин, – вот этот обыкновенный спичечный коробок… А в придачу необыкновенный фокус со спичкой!

Рыжий хозяин фонарика презрительно скривил губы:

– Так уж необыкновенный! Подумаешь, не видели мы спичку!

Мальчишки опять загоготали. А Сережка достал носовой платок, помахал им в воздухе и властно сказал:

– Дайте мне спичку!

Спичку ему дали.

– Весь фокус в том, – спокойно начал объяснять Сыроежкин, – что спичка заворачивается в платок. – Он завернул спичку и обратился к рыжему: – Пощупай. Чувствуешь? Теперь ломай.

Было слышно, как спичка треснула. Потом фокусник взмахнул платком, и на землю упала целая спичка. Рыжий успел схватить ее первым. Он повертел ее, поднес к глазам, понюхал. Удивительная спичка пошла по рукам.

Рыжий молча протянул фонарь и взял коробок.

– Давай объясняй! – потребовал он.

– Объясню потом, – отмахнулся Сережка. – Сейчас мне некогда. – Он взял следующий предмет – куклу без носа. – А эта красавица меняется вместе с объяснением загадочной истории, как умирают слоны и почему не найдено ни одного слоновьего трупа.

И хотя история оказалась не такой уж загадочной (через минуту все знали, что слоны, чувствуя приближение смерти, идут к реке и с головой скрываются в воде), торговля находчивого менялы пошла очень бойко. В качестве дополнительного ассортимента предлагались: секрет не бьющегося в стакане сырого яйца, исчезновение пальца на руке, рецепт чудодейственных капель, удесятеряющих силы человека, сеансы гипноза, задачка о космическом треугольнике, заговор от зубной боли и тому подобное. Призвав на помощь хитрость, фантазию и память, Сережка в конце концов вернул свои драгоценности, кроме стершихся монет, обладатель которых убежал, едва только выменял их у Электроника. Но он напрасно будет гадать, какой стране они принадлежали.

– А фокус со спичкой? – напомнил рыжий мальчишка, когда Сыроежкин привычно рассортировал по карманам личную собственность.

– Отойдем в сторонку, – предложил Сергей. – Это профессиональный секрет.

Рыжий доверчиво поплелся за ним. За кустом Сергей остановился и сказал ему на ухо:

– Чудак! Я положил две спички. Понял, растяпа? Прощай!

И он помчался к Электронику. Зачем ему было говорить, что вторая спичка заранее пряталась в надрезанный рубчик платка! Зачем было выдавать профессиональный секрет!

Электроник, вновь увидев разбазаренные им предметы, так и не понял, зачем необходим обмен. И пока Сережка путем сложных сравнений растолковывал ему ценность каждой вещи, лежащей в его кармане, они преспокойно шли к цирку, где надо было заранее купить один

билет. Как вдруг перед глазами Сережки мелькнуло знакомое голубое платье. От неожиданности он споткнулся и чуть не упал.

– Что с тобой? – спросил Электроник.

Сережка не ответил, он застыл на месте.

А та самая певица, которая пела о шарах и смеялась над проделками Электроника, сейчас прошла мимо с равнодушным видом, не удостоив приятелей даже взглядом.

В первый момент Сергей хотел поступить так, как делают обычно все мальчишки: забежать незаметно вперед, потом пойти навстречу, поздороваться и заговорить. Но уже в следующую минуту он решил: нет, пусть лучше действует Электроник! Ведь ему улыбалась и хлопала голубая девочка!.. И Сережка объяснил другу задачу: познакомиться, узнать имя и адрес.

– Только не забудь, – грозно предупредил он, – что ты Сергей Сыроежкин. Помни клятву: чтоб я сломался, если выдам эту тайну!

Электроник послушно повторил заклинание и начал действовать.

Как ни странно, он воспользовался именно тем приемом, который показался Сыроежкину негодным: перегнал незнакомку, круто повернулся и, загородив ей дорогу, сразу же ринулся в наступление:

– Здравствуй. Давай познакомимся.

– Здравствуй… – Голубая девочка с удивлением рассматривала Электроника. – А мы, кажется, знакомы… Ведь это ты показывал такие смешные фокусы?

– Я. Как тебя зовут?

Сыроежкин, подкравшись сзади, удивленно покачал головой: отчаянно смелый этот Электроник, действует точно по заданию.

– А это обязательно знать? – Девочка наклонила голову.

– Обязательно.

– Майя Светлова. А тебя как зовут?

– Сергей Сыроежкин.

– А почему на платке было написано «Электроник»?

Сережка похолодел: вдруг Электроник проговорится? Но тот, подумав, нашелся:

– Это мой псевдоним. А какой твой адрес?

Лицо девочки стало строгим. Фокусник задавал чересчур странные вопросы.

– Что за любопытство! Скажи мне лучше: ты вернул вещи, которые проглотил? Это что – ловкость рук или на самом деле?

– Долго объяснять, – хрипло ответил Электроник. – Я тороплюсь в цирк. Какой твой адрес? Я люблю точные сведения.

– Пожалуйста. – Майя дернула плечом. Этот Сыроежкин был к тому же воображала. – Улица Геологов, дом три, квартира пятнадцать. Подъезд четвертый, этаж пятый, лифт работает. Всё?

– Всё, – сказал Электроник.

– До свиданья!

– До свиданья!

Сережка отчаянно жестикулировал за спиной Майи, призывая Электроника продолжить разговор. Но тот его не понял – стоял как столб. А голубая девочка была довольна, что отделалась от настойчивого мальчишки. Она пошла не оглянувшись и даже ускорила шаг.

Сережка растерянно смотрел вслед голубому платью. Почему-то он чувствовал себя очень несчастным. Вот в последний раз мелькнуло голубое пятнышко и исчезло в толпе. Майя Светлова, улица Геологов. И имя, и адрес теперь есть у него. И нет ничего. Неизвестно даже, как Майя к нему относится…

Очень странно вел себя Электроник. Будто деревянный. Не улыбнулся, не пошутил, не рассказал никакой истории. Ведь девчонки любят, когда им зубы заговаривают… Что за чудак

этот Электроник! Говорил правильно, а получилось все очень глупо. Он, конечно, хороший товарищ, но все-таки чего-то не понимает…

– Пошли в цирк, – вздохнув, сказал Сергей Электронику.

Код Бегемота

Разбегаются молнии на серебристом куполе. Горят четыре яркие буквы – ЦИРК. Нетерпеливо топают ногой красные лошадки, составленные из лампочек. И под этим электрическим сиянием раскрытые двери глотают и глотают потоки людей. А толпа на площади не уменьшается: кто ждет друзей, кто ищет лишний билет, а кто и просто смотрит на блеск огней.

Второго билета друзья так и не достали. Электроник давно уже скрылся в дверях, а Сережка стоит на одном месте. Рассеется понемногу толпа, загремит веселая музыка, станет пустынно и прохладно на площади, а он будет все смотреть на огни. Конечно, из цирка не выйдет ярко-желтый клоун, не выскочит наездница на белой лошади, чтобы предложить ему лишний билет. Он это понимает. Зато когда кончится представление и шумный поток выплеснет на улицу, на ступеньках появится Электроник. И они вместе пойдут домой.

Он задумался, не заметил, как остался один. И еще дворник шуршал метлой, подметая окурки, бумажки и заодно те случайные звуки, которые сумели вырваться из-за дверей и упали на мостовую. А Сережка все думал о рычащих тиграх, пятнистом жирафе и слоне, который двигает хоботом стрелку на часах…

Кто-то тронул его за плечо:

– Ну что, хочешь в цирк?

Сережка увидел высокого человека в шляпе и плаще. У него мохнатые брови и внимательные глаза. Сережка ничего не сказал, только пожал плечами, считая, что его положение ясно и без слов.

– Пошли! – Незнакомец подмигнул.

Они свернули за угол. Человек открыл стеклянную дверь и пропустил Сергея вперед.

– Добрый вечер, Антон Константинович! – сказал, вставая, вахтер.

– Здравствуй, Матвеич! – весело отозвался покровитель Сережки. – Этот мальчик со мной.

Они поднимаются по узкой крутой лестнице, выходят в коридор, и Антон Константинович на ходу говорит какой-то женщине:

– Маша, усади его на свободное место. – И Сережке: – Как зовут-то? Серега? Ну, будь здоров, Серега. Смотри и веселись.

– Спасибо! – смущенно сказал ему вслед покрасневший счастливец.

– Иди наверх, – посоветовала тетя Маша. – В последнем ряду есть место.

Сережка взлетает на галерку, и в грудь ему ударяет упругая волна музыки. Он не замечает, как садится. Сейчас он весь там – на солнечной арене, где над жонглером порхают, словно бабочки, шары, тарелки, кольца. Ему кажется, что это он сам ловко подпрыгивает, кидает, ловит, переворачивается и все время следит, чтоб ничто не упало.

Вспыхивают прожекторы. И арена словно раздвинулась, стала больше. В скрещенных лучах скользит над рядами ракета. На ракете гимнасты. Стоят и не шелохнутся, словно приклеенные, вытянув вперед руки. А ракета все выше, а музыка все быстрее… И вот гимнаст повисает вниз головой, а его партнерша ловко соскользнула с ракеты и в какое-то мгновение ловит его руки, вкладывает ладонь в ладонь, чтобы крутиться под куполом, сжиматься и разжиматься, как пружина, отбрасывая на стены легкие, стремительные тени, вызывая то мертвую тишину, то вздох облегчения, то бешеные аплодисменты.

В паузе шутят клоуны, а Сережка ищет взглядом Электроника. Почему-то нет его в десятом ряду. Нет и в одиннадцатом, и в девятом… Мальчик видит, как в оркестре переворачивает ноты скрипач, как поправляет галстук-бабочку дирижер, как смеются над клоуном трубачи. Но Электроника он так и не находит.

– Аттракцион «Чудесные сны»! – громовым голосом провозглашает ведущий программу. – Смешанная группа животных!!! Дрессировщик – Антон Антонов!!!

Звучит веселый марш, и выезжает какой-то длинноносый чудак на низеньком велосипеде. Он нажимает на педали изо всех сил и выглядит очень смешно, но Сергей только мельком взглянул на него. Мальчишка вертел головой, осматривая ряды, пока не погас свет.

Вдруг возник зеленый огонек и поплыл вокруг арены. Сережка вытянул шею. Он увидел, что по барьеру движется морской лев. Черный-черный, блестящий, будто нагуталиненный. Мягко покачивается из стороны в сторону, тихо шлепает ластами, а на кончике поднятого носа держит зеленую лампу.

Вот он соскочил с барьера, подбросил лампу прямо в руки служащему и толкнул в бок длинноносого чудака, который спал на опилках. Вспыхнул свет. Чудак вскочил. На арене – сугробы снега, ледяные глыбы и черный чудной зверь. Чудак от удивления сел на сугроб, а тот возьми да зашевелись. Чудак в ужасе вскочил: это был вовсе не сугроб, а белый медведь. Тогда человек принялся проверять другие сугробы, и, к всеобщему удовольствию, из-под снежных покрывал вылезли еще два медведя – бурый и белый. Бурый тут же сел на велосипед и поехал вдоль барьера, а белые по-дружески обнялись, закувыркались, покатились шарами.

Потом белые медведи делали стойку на передних лапах, бурый гонял на велосипеде, человек и морской лев жонглировали над ними мячами. Как вдруг в публике раздалось глухое рычание. Кое-кто из зрителей обернулся, а бурый медведь резко остановил велосипед.

Рычание повторилось. Медведь прислушался, встал на задние лапы и неуклюже полез через барьер. Дрессировщик успел схватить его за ошейник. Но медведь вырвался и пошел вверх по ступеням, пугая публику. Дрессировщик шел сзади и громко говорил:

– Трофим, что ты хочешь? Тебя кто-то позвал? Не обращай внимания!

У Сережки замерло сердце: неужели медведя позвал Электроник?

Трофим, громко сопя, поднялся до десятого ряда и замер перед сидевшим с краю мальчиком. Мальчик встал.

«Электроник!» – чуть не крикнул Сережка. Он очень обрадовался: со своего места он хорошо видел, что это Электроник! И тут же испугался: а вдруг в цирке сидит профессор или тот милиционер, который ищет Электроника?.. Но его страх внезапно улетучился, так как события в десятом ряду развивались стремительно.

Дрессировщик, пораженный в первый момент, пришел в себя и радостно закричал на весь цирк:

– А-а, это же мой знакомый Сережа! Зачем ты срываешь номер, Сережа?

– Я не срываю, – ответил Электроник. – Я хочу поздороваться с Трофимом.

Над рядами вспорхнул смешок.

– Ну, поздоровайся, – разрешил длинноносый чудак. – Здоровайся и будь здоров!

Электроник как-то странно хрюкнул, и Трофим издал тот же звук. Трофим поднялся во весь свой рост, протянул могучую лапу. Мальчик пожал лапу двумя руками, что-то шепнул медведю на ухо и сунул ему в пасть конфету. Зрители бурно захлопали.

– Да ты молодец, – тихо сказал дрессировщик мальчику и повел медведя за собой. Трофим не сопротивлялся.

А к Электронику уже спешил морской лев, шлепая ластами, балансируя своим гибким резиновым телом, – ведь он держал большой шар на пуговке носа. Люди, сидевшие рядом с Электроником, уверяли потом, что он не подал никакого знака льву, даже не пикнул: просто, мол, зверь знаком с этим мальчиком и привык подходить к нему.

Но дрессировщик был смущен. Он не знал, что и подумать. У него даже мелькнула мысль: не мог ли странный мальчик позвать льва неслышным сигналом – например, ультразвуком. Впрочем, он тут же решил, что это глупость: как известно, из всех ультразвуков человек способен произнести только «кис-кис».

Лев остановился и, грациозно изогнув шею, послал мяч Электронику. Тот ловко поймал и бросил назад, хлопнув при этом в ладони. Так они играли, пока не вызвали аплодисментов. Черный жонглер прилег на ступени и захлопал ластами. Потом он принял на нос мяч, вернулся к дрессировщику.

Номер продолжался, и Сергей не знал, куда ему смотреть. Он махал рукой, подавая знаки другу, и косился на манеж. А там за какую-то минуту опять все изменилось. Цветущие деревья, лужайки, глыбы серо-красных камней, синие водоемы… Ходят длинноногие цапли, резвятся обезьяны в коротких штанишках, пасется на лужайке рогатая антилопа-канна.

А чудаковатый Антон Антонов снова спит. Цапли, перешагивая через спящего, постукивают его остренькими клювами. Обезьяны сняли с человека ботинки, вытащили из кармана губную гармошку, а из-под головы – шляпку. Антилопа меланхолично жует галстук.

Вскочил Антон Антонов, бросился отнимать свои вещи. А обезьяны с ботинками, шляпой и гармошкой прыгнули на спину антилопы, ухватились за рога и были таковы… Антилопа скачет по кругу, Антон Антонов спотыкается о камни, прыгает через озера и никак не догонит воров. А тут еще вылезли из воды крокодилы. Дрогнули, приподнялись «камни»: путь человеку преградили бегемоты – один темно-серый, другой розовый. Распахнули огромные красные пещеры-пасти с острыми клыками, словно приглашают: попробуй, смельчак, войди…

И конечно, бедному чудаку Антону Антонову помог не кто иной, как мальчик из десятого ряда. Прозвучал резкий клич. Обезьяны, соскочив с антилопы, бросились в партер. А бегемоты от удивления захлопнули пасти.

Обезьяны присели на ступеньки и, вытянув губы, отчаянно жестикулируя, забормотали: «Ух, ух, угу…»

– Угу, ух, угу… – заухал в ответ Электроник и закончил свою непонятную речь резким выкриком: – Ак!

Воришки бросили награбленное и в панике умчались на арену. Ну и хохотал Сергей! Он чуть не свалился с кресла.

А Электроник сказал Антону Антонову:

– Вот ваши вещи. – И обратился к сидящим впереди: – Передайте, пожалуйста.

Цирк загудел, затрещал аплодисментами. С галерки летел мальчишеский голос: «Ура! Лучшему в мире дрессировщику – ура!»

Подождав, пока шум утихнет, Антон Антонов обратился с манежа:

– Сережа, может быть, ты волшебник? Ты знаешь язык зверей?

– Нет, – ответил Электроник при всеобщем внимании, – я не волшебник. Я просто изучал сигналы животных и расшифровал некоторые коды.

– Позови бегемота! – попросил кто-то из публики.

– Я не знаю кода бегемотов, – сознался мальчик.

Все почему-то засмеялись.

А Антон Антонов решил продолжать номер, весело крикнув:

– Попробую я с ними справиться!

Он скинул свой смешной костюм, сорвал бутафорский длинный нос и оказался в блестящем трико – высокий, мускулистый, ловкий. Грянул оркестр, и антилопа-канна помчалась по кругу, перепрыгивая через бегемотов. Цапли закружились в танце. Обезьяны взобрались на качели. На зубастых крокодилов были надеты намордники. И бегемоты зашагали под марш, высоко поднимая ноги и поглядывая исподлобья маленькими глазками. Потом Антон Антонов кормил их салатом с огромной вилки, бесстрашно вкладывая голову в раскрытые пасти, и под конец крутил сальто на спинах бегущих громадин.

Под бодрые звуки фанфар убежали с арены канна, шимпанзе, цапли, протрусил розовый бегемот. А серый бегемот никак не хотел уходить. Он подошел к барьеру и стал открывать и закрывать пасть, словно зевал.

– Петя хочет спать, – объяснил дрессировщик и попросил бегемота: – Не задерживай, Петя, зрителей. Они тоже устали. Пойдем!

– Пусть он спит, – предложил с места Электроник.

Но гиппопотам не ложился и не уходил, как ни уговаривал его хозяин. Он зевал и зевал.

Тогда Электроник встал и направился к манежу. Он храбро подошел к серой туше, нагнулся и поднял с пола маленький прутик.

– Сейчас Петя будет спать, – сказал Электроник и незаметно провел прутом по животу бегемота. Петя послушно лег.

– Подсмотрел-таки… – шепнул Электронику Антонов. – Хитрец!..

Мальчик похлопал бегемота по боку, и тот встал.

– Теперь кланяйся, – приказал Электроник.

И опять один только дрессировщик заметил, что тонкий прут пощекотал стоящее торчком ухо. Так делал во время представления и сам Антонов.

Петя закивал головой и попятился. Антон Антонов вскочил ему на спину, замахал рукой. Так, посылая комплименты зрителям, они скрылись за кулисами.

Публика не расходилась, вызывая артистов. Оркестр гремел медью.

Ведущий торжественно указывал на кулисы.

Раздвинулся занавес, и высунулись две головы. Гиппопотам выглядел совсем равнодушным. Антон Антонов сиял и посылал воздушные поцелуи. Но глаза его были серьезны и внимательны. Они искали знакомого мальчика. Искали на арене, в проходе, в рядах… И не находили.

Разговор с Гусем и Змееносцем

Вернулись из цирка они поздно. Сережка предчувствовал справедливую взбучку дома и не мог придумать, как ему избавиться от неприятностей. Конечно, его и пальцем не тронут, но мораль обязательно прочтут. Какие у всех хорошие и послушные сыновья и какие у этих сыновей счастливые родители. В десять часов все мальчики лежат в кроватях, и никто не исчезает в темноте, не заставляет волноваться родителей… Словом, будет немало упреков, от которых можно и разреветься. Слушаешь, слушаешь, и кажется, что тебе на спину кладут и кладут здоровенные камни, и ты все сгибаешься и сгибаешься под их тяжестью и не можешь свободно вздохнуть. Что только за сила в этих жалобных словах!

Наши приятели добрались уже до подъезда, как вдруг гора рухнула с плеч Сережки. Он придумал.

– Электроша, ты ведь спокойный человек… – начал он.

– Да, спокойный.

– Ты можешь спокойно слушать всякие жалобные слова?

– Могу.

– Тогда вот что…

Сережка развил во всех подробностях свой план. Главное – надо было молча все выслушать, отказаться от ужина и, сославшись на головную боль, лечь спать.

– А я проскользну потом, у меня есть ключ. – И Сережка потянул Электроника в лифт.

Только в тот момент, когда дверь за Электроником захлопнулась, Сыроежкин понял, что упреков ему не избежать. Ведь он должен был знать, что происходит за дверью. И все-таки подслушивать было приятнее, чем стоять перед мамой с опущенной головой. Сережка приложил ухо к щели и услышал вот что.

Мама. Сережа, так нельзя. Ты же знаешь, мы с папой волнуемся. Хоть бы позвонил…

Пауза.

Мама. Неужели так трудно найти в цирке телефон? Хорошо, что я догадалась позвонить Корольковым и Вова сказал, где ты пропадаешь.

Пауза.

Мама. И вообще, почему я от других людей узнаю о твоих делах? Ты хорошо бегаешь, увлекаешься математикой, пишешь интересные статьи в стенную газету… Но почему об этом ничего не знаем ни я, ни отец?

Пауза.

Честно говоря, такого разговора Сережа не ожидал. Он уже жалел, что не он стоит сейчас по ту сторону двери. Ох, он бы развернулся! Он так бы описал свои (вернее, Электроника) успехи, что ему простились бы все грехи на две недели вперед. Ну и чудак этот Электроник, ничего не соображает! Упустил такой удобный момент…

И Сережка от возбуждения даже поскребся в дверь…

Мама. Почему ты стал таким скрытным? Что ты молчишь?

Отец *(кричит из комнаты)*. Он теперь слишком знаменит, чтоб разговаривать с нами!

Мама. Да, я вижу: успехи вскружили тебе голову. Иди-ка ужинать.

Электроник *(хрипло).* Я не хочу, я съел пять пирожков.

Сережка улыбнулся: наконец-то Электроник открыл рот, шпарит точно по его советам. И тут наш заговорщик побледнел. Первая же фраза Электроника вызвала неожиданную реакцию…

Мама *(испуганно).* Ты почему хрипишь? Ты, наверно, съел пять мороженых, а не пирожки!

Электроник *(хрипло)*. Нет, пирожки.

Мама *(волнуясь).* Где же ты простыл?

Электроник *(совсем хрипло).* Я хочу спать. Я здоров. У меня болит голова.

«Лучше б ты совсем молчал! – возмущался за дверью Сыроежкин. – Или сознался, что ел мороженое. Тогда все ясно: ангина. И зачем ты вспомнил про головную боль? Когда просто болит голова, тебя никто не трогает. А если хрипы да еще головная боль – это уже подозрительно. Чего доброго, мама полезет ему в горло и увидит, что перед ней не ее сын!..»

От переживаний и страха вполне здоровый Сыроежкин вспотел и ощутил слабость в ногах…

Мама *(совсем в панике).* Какой холодный лоб! Немедленно в постель! Сейчас дам тебе ватное одеяло!

Папа *(выскочив в коридор).* И завтра с утра – врача!

Сережка так перепугался, что еще полчаса или час ходил по лестничной площадке. Когда он открыл дверь, рука его дрожала. Добравшись до постели, от толкнул Электроника. Потом с великими предосторожностями устроил его в шкафу, запер дверцу на ключ, спрятал ключ под подушку и дал слово никогда больше не поручать Электронику объяснение с родителями.

Утром врач не понадобился. Сережка заранее убрал постель, продемонстрировал маме горло и даже измерил температуру. И, наверстывая упущенное, в самых ярких красках обрисовал свои победы.

Отец и мать ушли на работу в приподнятом настроении. Появившаяся было скрытность в характере их сына улетучилась вместе с простудой.

Едва закрылась за родителями дверь, Сережка отпер шкаф и приветствовал друга:

– Здравствуй! У тебя уже не болит горло?

– Не болит.

Электроник спокойно вышел из шкафа, держа стопку книг и перегоревшую лампочку.

– Половину не прочитал, – пожаловался он. – В следующий раз давай мне запасную лампочку.

– Если б я мог, я подарил бы тебе тысячу прожекторов.

– Не надо, – ответил Электроник. – Дай мне лучше запасные части от телевизора, если у тебя есть.

– Есть испорченный транзистор, – вспомнил Сергей. – А зачем?

– Годится. Ночью я смонтирую внутри себя телевизор. И буду круглые сутки получать новые знания.

– И ты не будешь больше ходить в школу? – испугался Сергей.

– Почему же, буду ходить, – успокоил его Электроник. – Все очень просто. Я, например, могу отвечать у доски, а сам в это время буду принимать волны телебашни.

– Ты лучший в мире изобретатель! Ты лучший в мире дрессировщик! – Сергей от удовольствия засмеялся, вспомнив, как Электроник вчера переполошил весь цирк. – Договорились! – закричал он. – Я даю тебе транзистор, а ты будешь мне рассказывать кинофильмы, которые я не успею посмотреть.

– А почему ты смеешься? – спросил Электроник.

– Вспомнил, как здорово ты напугал обезьян. Электроша, а с кем ты еще можешь разговаривать из зверей и птиц?

– С воронами, гусями, ласточками, дельфинами, львами, тиграми, волками…

– Вот здорово! Значит, история про Маугли, как он жил в джунглях, и понимал всех зверей, и дружил с ними, и боролся с тигром Шер-Ханом, – все это не придумано? Все это могло быть на самом деле?

– Конечно, можно научиться понимать всех животных, и тогда легко управлять ими, – подтвердил Электроник. – Сигнал опасности, записанный на магнитофон, прогонит с поля ворон. Дельфины будут разведывать косяки рыб и морские течения. А львов в заповеднике

пригласят к обеду по радио. Надо понаблюдать за ними, сопоставить сигналы с поведением, и тогда будет ясно, какую информацию несет каждый сигнал, что он обозначает.

– Ну и голова у тебя, Электроша! – уважительно сказал Сережка. – Как ты только до этого додумался?

– Меня обучал профессор. Он самый великий человек, какого я только знаю. – Как ни странно, всегда ровный голос Электроника звучал почти торжественно.

Сережка этого не заметил. Он был слишком возбужден.

– Послушай, Электроник, поговори, пожалуйста, со мной. Ты будешь дрессировщиком, а я… Кого бы мне выбрать, чтоб легко понять тебя?.. Я буду гусем! Честное слово, я буду сообразительным гусем. Эта птица мне хорошо знакома.

Сережка замахал руками, зашлепал по полу босыми ногами и даже посмотрел на свои пальцы – нет ли на них перепонок. Потом вытянул шею и страшно зашипел.

– Похож? – закричал он.

– Га-га-га, – сказал Электроник.

– Что? – спросил Сережка.

– Га-га-га-га-га, – продолжал Электроник.

«Гусь» в недоумении пожал плечами.

– Я не понял.

– Ты не разговаривай, – напомнил дрессировщик. – Ты выполняй команды.

У «гуся» был такой недоуменный и растерянный вид, что дрессировщик перестал гоготать и сказал:

– Хорошо. Я расшифрую эти сигналы. Три «га» обозначают: «Торопитесь, торопитесь!» Пять «га» – «Не будем задерживаться здесь, двинемся дальше». Шесть – «Трава на этом лугу неважная, но вообще-то можно пощипать». А фраза из семи «га» самая приятная: «Тут есть чем поживиться». Понятно?

Сережка моргал ресницами.

– Понятно… А я-то думал, что эта самая глупая птица: болтает от нечего делать. Значит, когда мы раньше играли в «гусей и волков», мы разговаривали точно как гуси. – Сережка вскочил и продекламировал:

Гуси, гуси!
Га, га, га!
Есть хотите?
Да, да, да!

Жаль, – сказал он, вздохнув, – что я уже перерос эту игру. А то бы подговорил всех «гусей» говорить только на гусином языке, и мы обхитрили бы всех «волков». Хотя что я жалею! – спохватился Сыроежкин. Он кашлянул и продолжал с достоинством: – Мы с тобой, Электроник, не маленькие, мы должны двигать науку. Давай, например, сосчитаем, сколько звезд на небе!

– А они уже сосчитаны, – бесстрастно доложил Электроник. – В нашей Галактике, называемой Млечный Путь, около ста пятидесяти миллиардов звезд.

Сережка покачал головой:

– Многовато. Я слышал, что много, но не помнил точно. Еще я читал, что на планетах, которые находятся в таких же условиях, как и Земля, обязательно есть жизнь и разумные существа.

– Одни считают, что таких планет несколько миллионов, другие, что меньше, – уточнил Электроник.

– Я вот все думал: почему же мы тогда не получаем никаких сигналов из других миров?

– Может быть, потому, что Земля находится далеко от центра, в слабой спиральной ветви Галактики? – предположил Электроник.

– Это я знаю, что мы живем на самой окраине Млечного Пути, – махнул рукой Сережка. – Но ведь наши радиотелескопы прощупывают другие галактики. Аппараты стоят наготове. А никаких сведений не поступает. Как будто нас забыли.

– На нас просто не обращают внимания, – подтвердил Электроник. – Например, ученые, которые живут на далекой планете, совсем в другой галактике, могут предположить, что атмосфера Земли раскалена до миллиарда градусов. Почему? Ответ простой: эти ученые измеряют температуру атмосферы по силе радиоизлучения Земли.

А на Земле работают мощные телевизионные передатчики, которые дают сильное излучение. И вот на далекой планете газеты пишут: Земля постепенно распадается от высокой температуры…

– Пусть будет так, – мрачно сказал Сыроежкин. – Все равно мы поймаем их сигналы. А ты сумеешь их расшифровать?

– Попробую.

– Конечно, ты сумеешь! – Сыроежкин ничуть не сомневался в способностях Электроника. – Давай я буду посылать тебе таинственные сигналы с далекой планеты, а ты их расшифровывай.

– Хорошо, – сказал Электроник. – Я согласен.

Сережка мигом преобразился. Он усадил Электроника за письменный стол, сунул ему карандаш и тетрадь. Открыл платяной шкаф, выдвинул все бельевые ящики. На пол полетели пальто, плащи, куртки, шапки, глаженое белье.

– Ты на меня не смотри! – кричал Сережка, хватая разные вещи и не зная, что напялить на себя. – Ты пока сосредоточься.

Ты ведь просто-напросто землянин. А сейчас перед тобой предстанет житель другого мира!

И он действительно предстал перед землянином в таком виде, что, будь на месте спокойного Электроника кто-нибудь другой, он бы не знал, что и подумать. Можно ручаться, что и родители не узнали бы своего сына в этом странном существе, закутанном в белую простыню с ног до головы и обвязанном пестрыми шарфами, в черных очках, синем колпаке от торшера и с ярко-красными полосами губной помады на щеках.

– Прекрасно, – сказал Электроник. – У тебя не земной вид. Я готов.

– Сначала выберем звездную систему, в которой я нахожусь, – торжественно заявил житель другого мира. – Чтоб звучало красиво. Большая Медведица? Туманность Андромеды? Скорпион? Но кто я тогда буду? Медведец, андромед или скорпионец? Не хочу! Я буду… Ура, нашел! Я буду змееносец с планеты созвездия Змееносца!

– Слушаю тебя, змееносец, – напомнил о себе землянин.

– Сейчас… Будь внимателен!

Сережка убежал в соседнюю комнату и стукнул кулаком в стену. Убедившись, что звук громкий и отчетливый, схватил со стола железную вазу, начал отстукивать: точка – тире – точка – тире.

– Давай расшифровывай! – крикнул Сережка.

– Тут нечего расшифровывать, – сказал, входя, Электроник. – «Я, змееносец, шлю горячий привет». Азбука Морзе. Метод, давным-давно устаревший на телеграфе. Ты не мог передать свой привет более таинственно?

– Я больше ничего не придумал, – сознался змееносец.

– Тогда это совсем не интересно, – прозвучал приговор землянина.

– А откуда я знаю, какая там жизнь, на этом Змееносце! – вскипел Сережка. – Может быть, там деревья пасутся на лугах, как коровы. А коровы, наоборот, растут на хвостах! Откуда

я знаю, какие у змееносцев руки и ноги, глаза и уши и что они сообщат нам о себе! Ох, ну и жара под этим колпаком!..

Змееносец с ожесточением скинул свой головной убор и стал раздеваться. Действительно, положение его было сложное. И землянин, кажется, понял, как трудно быть представителем другого мира.

– Не сердись, – сказал он, – давай играть наоборот. Давай посылать наши сигналы с Земли.

– А ты знаешь, что надо передавать? – обрадовался Сережка.

– Знаю. Записывай. Сейчас мы составим систему.

Электроник ходил по комнате и рассуждал:

– Наблюдения показывают, что во Вселенной действуют одни законы физики и химии. Поэтому взаимопонимание с другими мирами возможно. Для начала мы подаем ряд условных знаков.

– Чем подаем? – с удивлением спросил Сережка у товарища.

– Это не имеет значения – световым лучом или по радио. Важен сам принцип космических переговоров. Пиши: две точки, знак больше, точка. Три точки, знак меньше, четыре точки.

Сережка записал:

…>…<…

– Догадался? – спросил Электроник. – Предположим, в первом случае это две краткие вспышки света, затем долгая вспышка и снова краткая. Так мы устанавливаем математические знаки. И переходим к объяснению алгебры. Передаем неравенство и знакомим с абстрактным числом, например: сто плюс «а» больше, чем десять плюс «а». (Сережка записал: 100 + a > 10 + a.) Затем знакомим с вопросом. (Сережка строчит: x + 10 = 111; x =?; x = 101.) Объясняем единицу длины нашего времени. И так далее.

– Гениально! – выдохнул Сыроежкин. – Никак не думал, что и в космическом языке тоже одна математика. Пожалуй, и я буду математиком-программистом, – добавил он уже для себя.

– Все это придумали ученые, а не я, – сказал Электроник. – Называется язык «линкос», или «лингвистика космоса». Линкос объясняет, кто такой человек, как он ведет себя, каких результатов в науке и практике достиг. Возможно, что существуют и другие космические языки, которых я не знаю, но главное в них ты уже подметил: все они строятся на математике, потому что она понятна всем разумным существам Вселенной.

Сережка лукаво улыбался, слушая все это. Пока Электроник разглагольствовал, он придумал один очень хитрый вопрос.

– Скажи, Электроник, а можно передать этим линкосом, как ты говорил вчера с моей мамой?

– Пожалуйста, – незамедлительно ответил Электроник. – Несколько лиц ведут разговор на математическую тему, не важно, о чем именно идет речь. Как набрать на телефоне номер, как поужинать, как лечь спать – все это можно выразить математически. Действующих лиц трое. «А» – твоя мама – ставит задачи. «В» – это я – всегда решает задачи верно. «С» – это ты – обычно путается, дает неправильные ответы. Итак, «А» просит «С» решить задачу: «Почему ты не позвонил? Почему не ужинаешь? Почему ты хрипишь?» «В» решает задачи верно: «Я съел пять пирожков, я хочу спать, я здоров». Но «А» – твоя мама – говорит: «Плохо!» Ведь она спрашивала «С», то есть тебя, а не «В». Утром «С» дает «А» те же самые ответы, и тогда «А» хвалит: «Хорошо!» Вот и объяснено правило вежливости: не отвечай на вопрос, который не тебе задавали.

– Ха-ха-ха-ха! – заливается Сергей. – Ты молодчина, сообразил, что к чему. Даю тебе слово: с мамой я буду говорить только сам.

Он что-то пишет на листе, затем складывает бумагу пополам.

– Теперь прочти мое мнение об одном очень важном вопросе. А я пока смою губную помаду.

И он убегает в ванную.

Электроник разворачивает лист, читает:

«Зачем мне искать жителей других миров, когда живой нечеловек, мой друг и брат по разуму, всегда рядом со мной??? Зовут его Электроник!!!»

А под этими строчками нарисованы два смешных человечка, которые стоят, взявшись за руки.

– Спасибо, – говорит Электроник. – Ты настоящий друг. Я это понимаю.

Хорошо, что собаки не говорят

– Теория теорией, – сказал, появляясь из ванной, Сыроежкин, – а практика прежде всего. Раз ты лучший в мире дрессировщик, давай проведем опыт. Я сейчас заманю какую-нибудь собаку, и мы с ней поговорим. Ну как, Электроша, тебе нравится моя идея?

– Нравится, – сказал Электроник. – Приводи собаку.

Сыроежкин мигом скатился по лестнице, оглядел двор. Ну конечно, ни одной собаки. Только Бешеная Колбаса дрыхнет на солнцепеке, греет облезлые бока. Хорошо, что он подумал о ней и захватил приманку. Эта безучастная ко всему на свете, кроме собственного хвоста, и в общем-то глупая дворняга мгновенно преображалась и сходила с ума, когда видела колбасу: прыгала, визжала, пускала слюни. Поэтому никто не звал ее иначе, как Бешеная Колбаса. Только один хозяин, дворник, помнил, что настоящая кличка собаки – Астра.

Заманить Бешеную Колбасу в лифт ее любимым лакомством и поднять на восьмой этаж не составляло особого труда. И в квартиру она вошла охотно, не спуская глаз с остро пахнущего куска и повизгивая от нетерпения.

Неожиданно Бешеная Колбаса зарычала, и ее шерсть встала дыбом. Какой тут раздался лай! Собаку словно прорвало после десяти лет молчания: никогда еще в своей жизни она не лаяла так отчаянно.

Сергей сначала не сообразил, чем вызван этот лай. Но Бешеная Колбаса недвусмысленно кидалась на Электроника, пытаясь схватить его за штанину, тут же трусливо отскакивала и не прекращала свой сумасшедший лай, как будто хотела созвать в квартиру Сыроежкиных всех соседей. Сережка кинул на пол колбасу – это не произвело на скандалистку никакого впечатления. Она расходилась все больше и больше.

Наконец Электроник, спокойно взиравший на собачью ярость, проявил свои способности: он затявкал, завизжал и издал еще какие-то странные звуки. Бешеная Колбаса на минуту смолкла, даже села. Но вдруг задрала морду и завыла пронзительно и жутко, словно в доме появился покойник.

По спине Сергея пробежали мурашки. Дальше он выдержать не мог. Он поспешно отворил дверь и выдворил взбесившуюся псину. Потом поднял с пола колбасу, выскочил на площадку и бросил кусок вслед гостье. Чтоб не поднимала шум на лестнице.

– Ух-х! – Сыроежкин вытер со лба пот. – Сумасшедшая какая-то… Как ты думаешь, что с ней такое?

– Она меня испугалась, – спокойно пояснил Электроник.

Опыт провалился. Дворняга оказалась строптивее хищников.

– Я всегда считал, что собаки – самые загадочные и непонятные существа, – сделал вывод Сыроежкин.

– А профессор считает, что самое загадочное существо – красный лис, – сказал Электроник. – Помнишь, я тебе рассказывал, как он удрал и бегает по всему городу?

– Лис с самыми правдивыми глазами, – вспомнил Сергей.

– Ты его не встречал? – спросил Электроник.

– Не встречал.

– Ты можешь его даже не заметить: он очень быстро бегает. По-моему, он решает какую-то свою задачу.

И тут Сережка догадался, почему лаяла Бешеная Колбаса. Она сразу учуяла, кто такой Электроник. Итак, появилось третье существо, которое знало их тайну. Хорошо, что оно не умело говорить.

– Хватит глупостей! – решительно сказал Сыроежкин Электронику. – Собирайся-ка лучше в школу и зарабатывай пятерки. И помни про тайну!

Гнет тайны:
«В конце концов, я человек!»

Странная жизнь настала у Сережки. Он был свободный человек – ни уроков, ни домашних заданий. Свободен, как птица: куда хочешь, туда и лети!

Электроник каждый день приносил дневник с новыми пятерками. В «Программисте-оптимисте» то и дело мелькала фамилия Сыроежкина. На уроках ребята только и ждали того момента, когда Сыроежкин получит слово и удивит их. Как-то Электроник в изложении о зоопарке перепутал живого слона с шахматной фигурой и написал, что слон пошел на h8. Все сочли это остроумной шуткой.

Галина Ивановна часто ставила в пример Сережу: в последнее время он сидел очень внимательно, не шептался, не заглядывал в чужие тетради, не опаздывал на уроки – словом, был самым прилежным учеником. Макар Гусев во время таких хвалебных речей оборачивался к Сыроежкину, подмигивал ему и смешно дергал свой воротник, за что всякий раз получал замечание:

– Гусев, не вертись!

Никто в классе, кроме Макара и Электроника, не понимал этой маленькой пантомимы. Однажды они столкнулись нос к носу в чужом дворе, и Гусев, как всегда, стал склонять на все лады фамилию Сыроежкина. Неизвестно, что произошло с тишайшим Электроником, только он вскочил на бетонный бортик лестницы, и в то же мгновение Макар ощутил, что он висит в воздухе. Мальчишки, пробегавшие мимо, остановились как вкопанные и не поверили своим глазам: незнакомый худенький паренек держал за шиворот известного забияку Макара Гусева. Держал без всяких усилий в вытянутой руке, словно провинившуюся кошку, и очень спокойно говорил:

– Я человек вежливый. Я не дерусь. Учти. Не задирайся. Переходи улицу при зеленом свете. Изучай математику.

Макар беспомощно дрыгал ногами, шипел, как самый настоящий гусь, всхлипывал:

– Буду изучать…

Наконец Электроник медленно опустил руку, посадил забияку на ступеньку.

Минуты три приходил Макар в себя: никогда в жизни он не был в таком ужасном, непонятном положении.

– Ты что, Сыроежкин, железный? – пробормотал изумленно Макар. – Ну ладно!.. Мир? – И он протянул руку.

– Мир, – согласился Электроник и помог Макару встать.

– Нельзя уж и пошутить… – ворчливо сказал Макар. – Ладно, больше никаких сравнений не будет! – Он дружески ткнул Электроника в бок и потряс рукой: – Ого! Да у тебя стальные мышцы! Я отбил себе кулак… И давай не вспоминать про этот случай с телескопом. Если хочешь знать, после тебя я сам посмотрел в него и чуть не ослеп… Эй, вы! – крикнул он свидетелям. – Чего уставились? Не видели, что ль, как тренируется чемпион по штанге? А ну подходи, кто хочет испытать силу!

Желающих помериться силой с чемпионом не нашлось.

Так был установлен мир, о котором не знал даже виновник происшествия. Сыроежкин, конечно, заметил, что Макар переменился, но он решил, что это дань уважения его математическим способностям. Еще бы! Недавно даже Профессор забегал к нему, просил решить задачу по физике. Сергей иронически посмотрел на приятеля и важно сказал:

– Вот что, дорогой Профессор! Знаешь, сколько знаний хранит память человека? Целую библиотеку в тридцать тысяч книг!.. Неужели у тебя меньше?

– Задаешься? – обиделся Профессор.

– Надо развивать свою память, – ответил Сыроежкин и захлопнул дверь. Он опасался, что Профессор войдет в комнату и увидит Электроника.

Что ни говорите, а это приятно, даже если тебя считают задавакой и знают, что ты можешь щелкать, как орехи, любые задачи.

Слава приходила к Сыроежкину сама собой. Даже не приходила – прилетала, гарцевала впереди него на вороных конях, трубила в фанфары и, словно тень, не отставала ни на шаг. Звонил в школу тренер со стадиона и просил передать, чтоб Сыроежкин обязательно записался в их секцию. Учителя при встрече говорили Сережке что-нибудь приятное, хорошее. Спартак Неделин, гордость всей школы, окликал курносого семиклассника и здоровался с ним. Даже задумчивый Виктор Попов спросил у него, не увлекается ли он музыкой. И Сыроежкин сразу забыл, как Попов однажды ударил его дверью по лбу.

От такой громкой славы временами было просто жарко. Щеки Сыроежкина пылали. Но он держался с достоинством. Если ему задавали неожиданный вопрос, он отвечал дипломатично: «Я подумаю… Я тоже так считаю…» Или же уводил разговор в сторону, рассказывая то, что узнал от Электроника. И Сергея слушали внимательно: он говорил об интересных вещах.

Школьному физкультурнику Сыроежкин сказал:

– Легкой атлетикой я решил не заниматься – не хватает времени. И потом, это неверное мнение, что раньше люди были сильнее, а сейчас науки ослабляют человека. Недавно в одном музее взяли рыцарские костюмы и примерили на людей среднего роста. И все доспехи оказались им малы. Вот вам и разговоры, что были, мол, раньше силачи да великаны!

Физкультурник, конечно, не согласился с Сыроежкиным и просил его подумать. Но с удовольствием выслушал неизвестную ему историю, даже спросил, откуда Сыроежкин знает про рыцарские костюмы.

– Прочитал в одной английской газете, – сказал Сергей. – Забыл только в какой.

Раньше Сыроежкин и не представлял, как он может легко и вдохновенно врать. Конечно, не про доспехи, о них он действительно читал в газете. Но не в английской, а в «Пионерской правде». И дело не только в этой «английской газете», сорвавшейся с его языка. Сыроежкин стал замечать, что иногда он врет там, где совсем и не нужно.

Как-то Таратар встретил его во дворе, остановил, поинтересовался, куда он идет. Сережка сказал, что спешит в магазин покупать полное собрание сочинений Бурбаки, знаменитых математиков. А шел он на волейбольную площадку, где и очутился через минуту. Тут же соврал ребятам, что он решил сложнейшую задачу, хотя именно в тот момент над ней корпел дома Электроник. Словом, Сережка стал ужасным лгуном. Он расхвастался до того, что объявил себя изобретателем «линкоса», и с того дня весь двор разделился на землян и гостей из космоса, которые вели бесконечные переговоры.

Но если совесть Сыроежкина в такие минуты и молчала, то это не значит, что его жизнь была легкая и беззаботная. Никто и не подозревал, какие мучения свалились на нашего героя.

По утрам, когда в школе уже прозвенел звонок и в классе скрипели мелки и перья, когда родители учеников были на работе, из подъезда десятиэтажного дома появлялась согнутая фигурка и спешила скрыться за углом. Солнце заливало ярким светом просторный двор и делало его еще больше, дворники из змеевидных шлангов поливали клумбы, деревья и асфальт, беззаботно чирикали на кустах воробьи. А Сережка, надвинув на самые глаза кепку, воровато оглядываясь, бежал со своего двора. Ему казалось, что сотни, тысячи распахнутых окон смотрят ему прямо в спину и торжествуют: «Ага! Вот тот самый знаменитый Сыроежкин прячется от всего мира. Галина Ивановна! Таратар Таратарыч! Подойдите к окну и посмотрите на эту знаменитость! Тогда вы, может быть, догадаетесь, что на второй парте рядом с Профессором сидит совсем не настоящий Сыроежкин. Обман! Позор!!! Преступление!!!»

Да, в такие минуты Сережка чувствовал себя настоящим преступником. Тайна, о которой знали только он и Электроник, вдавливала его голову в плечи, заставляла оглядываться, тревожно стучала в груди. Страшно было подумать, что обман раскроется.

Сережка издалека разглядывал всех прохожих. Вдруг знакомый или, хуже того, учитель? Обязательно спросит, почему он не в школе.

А если учитель идет с урока и там ему пять минут назад отвечал Электроник, что он подумает, увидев второго Сыроежкина на улице?

И он часто шарахался в сторону от прохожих, а потом облегченно вздыхал: показалось…

А сколько трудов стоило сохранить тайну!

Вечером раздался звонок у двери, и Сергей с испугом услыхал знакомый голос. Таратар! «Сейчас открою!» – крикнул ему Сергей и бросился в комнату. Электроник сидел за письменным столом и занимался сразу двумя делами: решал задачи по алгебре и изучал английский язык, настроившись на учебную программу (он, как и обещал, за одну ночь собрал внутри себя миниатюрный телеприемник).

– Таратар! Лезь в шкаф! – трагическим шепотом закричал Сергей, но в ответ услышал формулы и английские слова.

Тогда Сергей схватил Электроника за плечи, толкнул в шкаф, запер на ключ и бросился к двери.

– А я уже собрался уходить, – добродушно сказал Таратар, здороваясь с Сергеем.

– Я убирался, – заюлил Сергей, – тут такой беспорядок…

– Я на минутку, – продолжал учитель, кладя шляпу на стул и не замечая бледности Сыроежкина. – Ты мне говорил про сочинения Бурбаки, так я зашел посмотреть.

Бледный отличник в одно мгновение стал пунцовым.

– Ой, я совсем забыл, я отдал эти книги одному знакомому, своему дяде. Он доктор наук. И как раз перечитывает Бурбаки.

– Жаль, – покачал головой Таратар.

Он протянул было руку за шляпой и отдернул ее: рядом в шкафу что-то загромыхало.

– Гм, – усы Таратара вопросительно вздернулись, – там какая-то авария.

– Кошка, – нашелся Сергей. – У нас много мышей. Целый день ловит.

– В шкафу? – удивился учитель.

– А что тут такого? Кошки видят в темноте.

Колени Сергея дрожали, пока Таратар молча стоял у шкафа. Наконец он взял шляпу.

– Тебе не попадет от мамы? – спросил он.

– Нет, она их ужасно боится.

– Ну ладно, зайду в другой раз, когда твой дядя прочтет книги.

Медленно, очень медленно учитель двинулся к двери. А Сергей хоть и плелся за ним следом, но будто бежал стометровку: так сильно билось его сердце.

Закрыв дверь, Сыроежкин бросился на тахту и целую вечность лежал без движения, пока в шкафу снова не заворочался Электроник… Он вылез из шкафа очень спокойный, так и не поняв, какого страха натерпелся его друг.

Милиционеры тоже вызывали у Сыроежкина трепет, он обходил их далеко стороной. Сережка прочитал в газете, что профессор Громов выступил с докладом на конгрессе кибернетиков.

И там, в этом докладе о самообучающихся машинах, прямо было сказано: «К сожалению, мы не можем сейчас продемонстрировать оригинальную модель. Она будет показана позже».

Значит, Электроника все еще разыскивают. Начальник милиции, наверно, созвал своих быстрых сотрудников, приказал им: «Найдите во что бы то ни стало Электроника! Приметы: курносый нос, синяя куртка, под курткой вилка для включения в сеть. Особые приметы: он лучший в мире фокусник, дрессировщик и математик. Проверьте всех отличников в школах!..

Что? В школе юных кибернетиков прогремел Сыроежкин? Опять это тот самый Сыроежкин, которому делали рентген! Тогда он обманул нас, а теперь все ясно. Он прячет Электроника у себя дома, скорее всего – в шкафу!»

И тогда – прощай, Электроник, прощай, мой лучший друг…

Нет, он постарается сохранить тайну.

В конце концов, сколько в мире интересного и неожиданного из-за тайны. Инженер Смит и его друзья попали на необитаемый остров и не догадывались, что там, совсем рядом, живет могущественный капитан Немо. Если бы они знали об этом и надеялись на его помощь, они бы не построили свое прекрасное убежище в скале, не вырастили бы урожай из одного зернышка и вообще не чувствовали бы себя изобретательными и сильными.

А Том Сойер и Гек Финн! Тимур и Сергей-барабанщик у Гайдара! Человек-невидимка, человек-амфибия… Да мало ли еще знаменитых героев, которые ценили и уважали тайну!

И все-таки страх не проходил. Маленький противный комочек ворочался где-то внутри Сыроежкина. Кажется, вот он уже рассосался, пропал, исчез, и вдруг – резкая телефонная трель. И опять все сжимается внутри: кто это? Что скажут?

И еще одна беда свалилась на Сергея: он вдруг открыл в себе великую тягу к математике. Удивительно все-таки устроен человек. Только у него появляется возможность отдохнуть от формул и задач, как вдруг он чувствует, что они, прежние его мучители, и есть самое важное в жизни. И именно теперь, когда Сыроежкину вполне хватало и страхов, и забот, он обрек себя на новые терзания, твердо решив, что будет математиком-программистом. Не монтажником, не физиком, не астрономом, даже не фокусником или дрессировщиком, а математиком, ученым-кибернетиком.

Как и Электроник, он изучит все теории, теоремы и формулы, геометрию Евклида и Вселенной, язык «линкос», небесную механику и все остальное, что только нужно для того, чтобы смело командовать электронными машинами.

Но вот тут-то и получался заколдованный круг. Сережка был готов вернуться за свою парту и расправляться авторучкой с иксами-игреками. И не мог этого сделать. Он безнадежно отстал от всех. Прояви он смелость, и вместо похвал и пятерок посыплются двойки. Мало позора в классе – дома поднимется скандал. Нет, пусть уж Электроник дотянет до конца четверти, а там лето, и он, Сыроежкин, все подучит и первого сентября сам пойдет в школу.

Так все и крутилось день за днем. Электроник завоевывал Сыроежкину славу, а тот слонялся по пустынным переулкам, вдоль реки или по глухим тропинкам парка. Просто так, чтоб убить время.

Как-то набрел Сережка на эстраду, где Электроник в первый день их знакомства показывал фокусы. И хотя никого здесь не было, Сережка, как осторожный лис, сделал большой круг и только потом опустился на скамейку. Задумался, вспомнил нехитрую песенку:

Шары, шары,
Мои голубые шары…

Ему стало грустно. Сколько раз хотел он пойти на улицу Геологов, к дому три. Там живет Майя Светлова, голубая певица. Встретить бы ее на улице и сказать: «Извини, Майя… Я не тот знаменитый фокусник, я просто Сергей. Я случайно узнал твой адрес и имя. И вот пришел…»

Сколько раз хотел Сережка именно так сказать. Но не пошел…

Он сидел на скамейке, грустил и ждал, когда кончатся в школе уроки и можно будет вернуться домой, к Электронику, и стать другим человеком. Честно говоря, слава для него не так важна. Куда лучше погонять мяч, нырнуть в бассейн, запустить с ребятами жестяную ракету или взлететь на качелях… У Электроника такие простые вещи как-то не получаются. Позавчера, например, не было последнего урока и ребята повели Электроника играть в футбол.

Поставили в ворота. А он, вместо того чтоб ловить мяч, стал писать на штанге формулы. Когда вратарь прозевал третий мяч, терпение команды лопнуло, и его выгнали из ворот. Хорошо, что Сережка был дома и видел все это из окна. Как только Электроник вошел в дом, Сережка сразу побежал на поле. Ох и разозлился он на Электроника!

Пять голов подряд забил!

Не посрамил своего доброго футбольного имени.

От этих воспоминаний Сыроежкин сразу повеселел. Он вскочил на эстраду и произнес речь, обращаясь к пустым скамейкам:

– В конце концов, я человек! Я имею право давать задания машине, проверять ее способности и тренировать на скучных уроках и домашних заданиях. Если тайна откроется и Электроника разоблачат, то меня все поймут. Кто на моем месте поступил бы иначе?.. В конце концов, я человек!

Что значит – думать?

Таратар приготовил ребятам сюрприз. Войдя в класс, все увидели чудной маленький стол с экранами, как у телевизора, и разноцветными кнопками.

– Что это? – загалдели ребята.

Маленькая щеточка усов Таратара победно торчала вверх.

Учитель, подождав, пока все рассядутся и успокоятся, объявил:

– Это мой помощник – обучающий автомат «Репетитор». Сделали его старшеклассники. Программисты и монтажники. И специально для вас.

– А что?.. А почему?.. А зачем?.. – посыпались вопросы.

– Садитесь, я вам все объясню и покажу.

А сначала мы побеседуем… Кто мне скажет, что значит – думать?

Частокол рук вырос над партами. Сколько раз учитель видел, как у ребят загораются глаза и сами собой тянутся вверх руки, и всегда он слегка волновался в такие моменты, хотя, наверно, казался всем по-прежнему спокойным.

Таратар оглядел класс и вызвал Диму Горева, у которого от нетерпения был уже открыт рот.

– Ну, думать… – бойко начал нетерпеливый докладчик и задумался. – Значит… значит – думать… Соображать… Выделять главное…

– Ты все сказал? Спасибо, садись. А что такое – выделять главную мысль? Скажи, Кукушкина, свое мнение.

Вскочила девчонка-растрепа и выпалила:

– По-моему, умный человек всегда видит, что главное и что не главное!

Легкий смешок, взлетевший к потолку, оборвался, когда Таратар снова заговорил:

– Я не зря задал вам эти вопросы. И хотя выслушал только двоих, уверен, что многие ответили бы так же. Дело в том, что человек часто не осознает, как он мыслит. А ведь это сложная работа. Знать – значит иметь представление о предметах, явлениях, их связях. Думать – уметь действовать с ними. И выделение главной мысли, основного содержания урока, беседы или какого-то правила требует от вас определенного навыка и напряжения, а от нас, учителей, – умения разъяснить и закрепить в вашей памяти. Мы еще остановимся на этом, когда перейдем к машине… – Таратар сделал паузу, подумал: «Пора послушать и ребят». Он сказал: – А теперь немножко пофантазируем. Как поэт пишет стихи? Как композитор сочиняет музыку? Как ученый делает открытие? Короче говоря, как рождаются новые образы, как протекает творчество?

Таратар покачал головой, увидев опять лес рук, и добавил:

– Предупреждаю: это столь сложный вопрос, что наука еще не дала на него полного и точного ответа. Поэтому не смущайтесь: любая ваша мысль внесет вклад в нашу беседу. Итак, пожалуйста.

Староста класса Коля Гребешков, как всегда, высказался коротко и категорично:

– Я думаю, что рождение образа – это случайность. Например: Суриков увидел на белом снегу черную ворону и написал боярыню Морозову.

– Когда сочиняешь стихи, обязательно испишешь гору бумаги, чтоб найти нужную рифму, чтоб коротко и красиво изложить свои мысли…

Даже с закрытыми глазами можно было догадаться, что выступает Апенченко: старается говорить выразительно и потому чуть завывает.

Таратар знал, что товарищи зовут его Воздыхателем за то, что он пишет на уроках записки девочкам. Как видно, Апенченко сочинял и стихи.

– …а потом, – продолжал Апенченко, – надо проверить себя, не было ли такой рифмы, сравнения или образа у кого-нибудь раньше. Как сказал поэт: грамм добычи, тонны руды…

– Тонны записок! – не выдержал кто-то, и все понимающе улыбнулись.

– Открытие в науке бывает всегда неожиданно. – Это говорит Вова Корольков, Профессор. – Надо отвлечься от привычных взглядов и по-новому посмотреть на какое-то явление. Поэтому и говорят, что открытия у нас буквально под ногами. Приглядись – и увидишь.

– А можно думать всю жизнь и ничего не изобрести, – возражают с места.

– Открыл Америку! – кричит Макар Гусев. – Всем понятно, что все зависит от фантазии. У кого как варит голова…

На этом дискуссия окончилась, началась обычная перепалка.

Таратар призвал к тишине:

– Я с удовольствием вас выслушал. Все ответы правильные. Подводя итог, начну с последнего высказывания: у кого как варит голова. Нам, педагогам, хотелось бы, чтоб голова у всех учеников работала отлично. Можно ли этого достичь? Можно! Вы получаете в школе определенные сведения – информацию, которая укладывается в вашей памяти. Со временем часть информации забывается, но не теряется, не выбрасывается, а как бы опускается в подвалы памяти, на ее место поступает новая. Итак, что же такое творческий процесс? Предположим, вы задумали создать произведение искусства или науки. Сели, размышляете. Мысли скачут, вспоминается то одно, то другое. Это идет вызов информации из памяти. Иногда говорят: что-то не думается, мысли не лезут в голову и так далее. Не отчаивайтесь! Настойчиво запрашивайте память – у вас ведь богатая кладовая знаний.

– А если лезут одни глупые мысли? – спросил кто-то.

– Что ж, бывает, что некоторые мысли кажутся глупыми, неподходящими, а потом вдруг выясняется, что они были нужны. Чем больше разных мыслей, сравнений – даже из других областей знаний, – тем интереснее и неожиданнее бывает рождение нужного вам образа. Здесь говорили о случайности. Похоже, что возникновение новой идеи происходит по воле случая. Но это не так. Открытие подчиняется твердым законам статистики. Надо только больше искать, обдумывать свою задачу с разных сторон… И вот… вот оно – удивительное.

Таратар поправил очки и тихо, почти шепотом прочитал:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И словно бесшумный ветерок ворвался в класс. Овеял прохладой лица, затуманил глаза. И умчался.

– Да, – сказал после паузы Таратар, – всего несколько десятков или сотен букв, несколько строк, а в них целый мир чувств, переживаний, грусти. Поэт обращается к вам, далеким потомкам, и вы его понимаете.

Тут Электроник совсем не к месту вставил:

– А Давид Гильберт, известный математик, так сказал об одном из своих учеников: «Он стал поэтом: для занятий математикой у него слишком мало воображения».

Какой грянул тут гром! Все словно забыли и о стихах, и о ветерке, пробежавшем только что по классу, и хохотали не стесняясь. Даже у Таратара очки запрыгали на носу.

– Что ж, – сказал учитель, установив тишину, – ты тоже прав: есть мнение, что у математиков самое сильное воображение…

И Таратар начал говорить о том, что многие ученые прошлого удивились бы, узнав, что математика, которая в их время считалась скучнейшим, оторванным от жизни занятием, применяется во всех областях науки и техники.

– Несколько столетий назад можно было пересчитать по пальцам всех математиков мира, – заявил Таратар. – Теперь достаточно посмотреть на вас, чтобы сказать: да, математика стала обычной профессией.

И после этих простых слов все немножко загордились и задрали носы, потому что учитель стал говорить о том, как необычна работа математика. Он должен представить себе то, что никогда не видел.

Например, элементарные частицы. Казалось бы, все просто: вот перед глазами модель атома с круглым ядром и лихими орбитами электронов. А кто видел эти электроны своими глазами? Никто!

А ученый может описать их формулами и уравнениями, провести точный и тонкий анализ и составить математический образ. Так рождаются у математика новые идеи, которые требуют самого острого воображения.

Таратар не сказал еще своей любимой фразы, и все, хоть и слушали внимательно, ждали ее. Наконец пришел ее черед, и быстрые улыбки промелькнули на лицах.

– Для чего я вам это говорил? – продолжал учитель. Этот вопрос всегда подкреплялся красноречивым жестом: поднятым указательным пальцем. – А вот для чего. В окружающей нас жизни есть тайны: неизвестный еще нам мир природы. Эти тайны надо уметь разгадывать. Природа всегда ведет себя честно, с ней не надо играть в сыщиков и воров, потому что она нас не обманывает. Но и не выдает своих секретов добровольно. Значит, надо быть любопытным и внимательным, настойчивым и вооруженным. А знаний для новых открытий немало. И у нас есть могучая техника: электронные микроскопы, ускорители частиц, радиотелескопы и электронно-вычислительные машины… Ну, вот и звонок, – закончил Таратар. – На следующем уроке будет уже два учителя – «Репетитор» и ваш покорный слуга…

Сколько уже лет он говорит эти слова: «Ваш покорный слуга»! И обычно их не замечает. А сегодня Таратар почему-то вспомнил, что это – старомодное выражение. Бегут годы, старшие классы уходят, приходят новые, а он по-прежнему покорнейший слуга. Вот уже тридцать пять лет. Вызывает к доске, ставит отметки, проверяет контрольные, выпускает стенгазету, ходит в походы – да мало ли дел у учителя. И только привыкнешь к этим глазастым, полюбишь их, как уже расставание… И хотя потом бывают бесконечные встречи, воспоминания, разговоры, каждую весну он чувствует необъяснимую грусть. Опять надо провожать класс… И этих он тоже проводит, и к телефонным звонкам, которые звучат в квартире с утра до ночи, прибавятся новые: «Таратар Таратарыч… Ой, извините… Семен Николаевич! Школьная привычка… Это Сыроежкин. Учился у вас такой… курносый… Как, неужели помните?..»

«Да, – спохватился учитель, – что-то Сыроежкин никак не проявил себя, молчал весь урок. Ага, понятно! Ждет вопрос похитрее. Ну что ж, мы ему придумаем этот вопрос…»

А в коридоре между тем шли горячие споры. Пожалуй, больше всех разглагольствовал Электроник: он так и сыпал цифрами, примерами, фактами…

Если бы он только знал, какие сомнения терзали в этот момент его друга, одиноко торчавшего в парке, и как важно было для Сергея сидеть самому за партой и размышлять вместе со всеми…

Поединок с «репетитором»

«Репетитор» хоть и был похож на обыкновенную парту, загадочно поблескивал белой металлической поверхностью и матовыми экранами. Казалось, нажми на одну из кнопок, и он выкинет какой-нибудь неожиданный номер. В лучшем случае громовым голосом задаст неожиданный вопрос и, отсчитав время, влепит двойку. А то и рассердится, раскричится, позовет директора…

– Виктор Смирнов, прошу сесть за пульт! – пригласил Таратар.

Непривычная тишина воцарилась в классе. Скрипнула крышка парты. Смирнов медленно поднялся, подошел к таинственному столу, осторожно присел на краешек стула. Наверно, он чувствовал себя одиноким космонавтом, который сейчас нажмет кнопку и вылетит вместе со стулом из класса.

– Включи «пуск»! – сказал учитель.

Вот она, эта кнопка!

Четыре красные буквы на маленькой дощечке: ПУСК. Ну, будь что будет!

Он не взлетел и не был оглушен громовым голосом. Просто мягко засветился, заголубел экран, и через некоторое время на нем проступили буквы и цифры. Ребята задвигались: что будет дальше?

– Смирнов получил задание, – разъяснил Таратар. – Это обычные уравнения первой степени с двумя неизвестными. Гусев, запиши их, пожалуйста, на доске.

Макар Гусев с удовольствием подбежал к «Репетитору» и, поглядывая на экран, написал крупно мелом:

$$2x - 7y = 2$$
$$6x - 11y = 26$$

Учитель продолжал:

– Смирнов, ты познакомился с условием?

Смирнов кивнул.

– Тогда нажми на левую кнопку. Сейчас автомат задаст тебе вопрос.

Смирнов так поспешно стукнул по кнопке, словно всю жизнь ждал этого вопроса. Под условием зажглась новая строка: «Решать через X и Y?»

– Давай через икс! – предложил Макар Гусев, чувствуя себя соучастником важного опыта.

– Через икс, – неуверенно повторил испытуемый.

– Хорошо, через икс, – согласился учитель. – Нажми кнопку под иксом. На экране появятся варианты первого действия. Ты должен все их продумать, найти самый верный и выразить свое мнение, нажав на стоящую рядом кнопку. После этого «Репетитор» даст тебе несколько вторых действий, и ты проделываешь ту же работу, пока не получишь ответ и оценку.

– Ерунда! – прокомментировал Макар Гусев. – Давай нажимай, а я буду писать.

Таратар, конечно, заметил одобрительные улыбки на лицах. Блеснули стекла очков, дрогнули, зашевелились усы.

– Почему Гусев так сказал? – задал он свой любимый вопрос, подняв указательный палец. – Потому, что он думает, что очень просто нажимать на кнопки. Но сейчас мы посмотрим, как он сам будет размышлять над действиями, которые предложит ему автомат. Одни из них правильные, другие неправильные. «Репетитора» обмануть невозможно. Он точно оценит решение и поставит отметку. К тому же он засекает время и – успели вы ответить или не успели – задает следующий вопрос.

Макар Гусев чесал затылок. Он уже видел, как ерзает его сосед: морщит лоб, теребит кудри, что-то шепчет… Действительно, какой вариант лучше: длинный или короткий? Наверно, короткий. Но коротких два, и в каком-то из них притаилась ошибка. А может быть, и там и здесь? Проверяй-ка все плюсы и минусы, умножай и дели. Только быстрее: время идет.

Вот Смирнов вытирает лоб, угрюмо нажимает на последнюю кнопку и неожиданно расцветает: в маленьком окошке с табличкой «оценка» вспыхивает слово «четыре».

– Четыре! – докладывает Макар классу.

– Хорошо, – говорит Таратар, – хотя можно и лучше. Ты выбрал верное, но более сложное решение. Это небольшой промах, мы разберем его позже, чтобы в следующий раз ты решал короче… Теперь идет нажимать кнопки Гусев.

К своему удивлению, Макар видит на экране уже другие уравнения. И он тоже морщит лоб, вращает глазами и тычется носом в экран.

А потом с «Репетитором» по очереди сражаются остальные. Треск кнопок, тихое гудение машины, ахи, охи и блеск глаз – все это похоже на азартную, увлекательную, радостную игру. Никто уже не помнит, что идет обычный урок.

И когда учитель взял мел и начал объяснять ошибки, волнение в классе еще не улеглось: каждый старался понять, где он совершил промах. Ведь начиная игру с «Репетитором», он не знал, чем она кончится, и теперь должен сообразить, где споткнулся, где метнулся не в ту сторону, чтобы в другой раз играть по правилам и выйти победителем.

– Мы беседовали о том, – говорит Таратар, – что человек должен много знать. Но я совсем не хочу, чтобы вы превратились в энциклопедические справочники, в обыкновенные хранилища информации. Вы, вероятно, помните одно из основных правил кибернетики, которое она предъявляет и к машинам, и к людям: в любой работе – выбор лучшего, оптимального варианта, достижение эффективного результата. Я хочу, чтобы вы мыслили именно так: обладая широким кругозором, умели выбрать лучшее решение. Надеюсь, что «Репетитор» поможет мне в этом… – Таратар предупреждающе поднял руку. – Кстати, на сегодня его программа не исчерпана. Осталась еще одна задача, довольно крепкий орешек. И я предложу решить ее… нашему дежурному ассистенту Сыроежкину, который пока не отвечал.

Электроник с достоинством направился к «Репетитору». Его провожали с откровенным сочувствием, как путешественника, идущего в пустыню.

Щелкнул «пуск», и Электроник ровным голосом прочитал вслух условие:

– «Найдите три четырехзначных числа, каждое из которых равно квадрату суммы чисел, составленных из двух первых и двух последних цифр искомого числа».

«Ого! Вот это орешек! Ну и придумано! Квадрату суммы… составленных… цифр искомого числа».

Так примерно подумали все математики. Кое-кто закрыл глаза и представил длиннющие колонки цифр, которые надо было перебрать.

Но что это? Простучали пулеметом кнопки. Не прошло и трех секунд, а Сыроежкин уже стоит рядом с «Репетитором» и в окошечке машины сияет «пять»!

– Ух-х! – прокатилось с первой до последней парты.

– Три искомых числа, – чуть хрипло говорит Сыроежкин, – это 2025, 3025 и 9801.

И он пишет на доске:

$$2025 = 45^2 = (20 + 25)^2$$
$$3025 = 55^2 = (30 + 25)^2$$
$$9801 = 99^2 = (98 + 01)^2$$

Загремели крышки парт, выражая всеобщее восхищение. Сыроежкин сел на место. Даже Таратар был удивлен и, пожалуй, несколько смущен.

– Весьма, весьма… – пробормотал он. И не нашел больше слов.

В дверь просунулась чья-то лохматая голова.

– Звонок был! – крикнул озорник и убежал.

Таратар улыбнулся: так было тридцать пять лет назад, так, наверно, будет и через сто. Всегда найдется озорник, который крикнет: «Звонок был!»

– Всё! – весело сказал учитель. – Как мне подсказывают, вы уже свободны.

Героя поединка окружили плотным кольцом и повели из класса. Остались лишь «Репетитор» и Таратар.

Поблескивая очками, Таратар смотрел вслед Сыроежкину. Кажется, он и в самом деле был чем-то смущен.

Музыкальное образование

Неожиданный случай вновь прославил Сергея Сыроежкина.

После уроков Вовка Корольков позвал Электроника к себе домой. Профессор просил одноклассника объяснить ему язык «линкос», но в этом была небольшая хитрость. Дело в том, что бабушка Королькова, в прошлом преподаватель консерватории, два раза в неделю обучала внука игре на рояле. Из всех изобретений человечества преклонявшийся перед техникой Профессор невзлюбил лишь два: машину, сверлившую зубы, и музыкальный инструмент с черно-белыми клавишами. Они, по мнению Королькова, отнимали у людей, и в первую очередь у изобретателей, много полезного времени. И как ни упряма была бабушка, он надеялся, что сегодня урок будет отменен из-за важного гостя.

– Бабушка, – представил Вовка своего приятеля строгой женщине в черном платье, – это Сергей Сыроежкин, первый отличник в школе. Он, между прочим, изобрел язык «линкос», чтобы переговариваться с марсианами. И мы хотим с ним потренироваться.

Бабушка кивнула Электронику с высоты своего роста и густым голосом сказала:

– Прекрасно. Про марсиан писали еще во времена моей молодости. Ну а ты, Сережа, играл когда-нибудь на рояле?

– Играл, – невозмутимо ответил Электроник.

Лицо Королькова наморщилось, как от зубной боли. Но энергичная бабушка уже подхватила обоих товарищей за плечи и увлекла в комнату, где в углу с поднятой, сверкавшей лаком черной крышкой застыл в ожидании старинный инструмент.

– Вот и чудесно, – басила пианистка, подводя ребят к роялю. – Сначала мы послушаем, как играет Вова, а потом проверим и тебя.

Вовина бабушка села рядом с внуком, раскрыла ноты.

– Начинай.

Пожалуй, никто из одноклассников не видел еще Профессора таким несчастным. Руки его бессильно висели вдоль тела. Неожиданно Вова взмахнул ими над головой, словно решившись прыгнуть в воду, и бросил на клавиши. «Там-та-там!» – испуганно запрыгали ни в чем не повинные клавиши, а бабушка крепко прижала ладони к ушам.

– Вова!.. – В ее голосе прогремел далекий гром. – Перестань! Что с тобой сегодня? Твой товарищ может подумать, что ты впервые сел за инструмент!

– Не знаю, – тихо ответил Вова, – мне просто не хочется.

Старая пианистка встала со стула.

– Все великие музыканты, – сказала она торжественно, – тренировались и играли постоянно, независимо от своего настроения. Я не хочу сказать, что ты станешь великим и даже музыкантом вообще. Но в наши дни стыдно быть музыкально неграмотным…

Внук сидел с опущенной головой. Что мог возразить он бабушке? Но в этот момент он представил маленького Моцарта, привязанного к стулу. Пусть и его так же привяжут!.. Огромной толстой веревкой. И он распрощается тогда с ракетами, телескопами, подводными лодками. И станет музыкально грамотным…

– Можно мне? – нарушил неприятную тишину Электроник.

Пианистка жестом указала на стул, а Вова быстро вскочил.

– Что ты нам сыграешь? – спросила, успокаиваясь, Вовина бабушка.

– Музыку своего сочинения.

Бабушка ласково улыбнулась и присела на диван. Профессор, сверкая очками, застыл рядом с товарищем, словно готовясь защищать его от неведомой опасности.

Электроник коснулся клавиш очень осторожно, раздались нежные и приятные звуки. Они удивили опытного педагога: бабушка внимательно посмотрела на руки мальчика. Нельзя

сказать, что эти руки двигались плавно и грациозно. Но они очень точно касались клавиш, ударяя по ним все быстрее, все сильнее. С каждой секундой звуки усиливались. Казалось, вместе с музыкой сюда летит крепкий ветер, бегут быстрые волны и черная полированная громада рояля постепенно надвигается на слушателей, заполняя всю комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.